

Чатал-Гююк как ритуально-культурный комплекс

Совершенно очевидно, что святилище VII.23 было не единственным, имевшим надписи¹ (табл. 131–132), и что оно входило в ритуально-культурный комплекс, включавший и другие святилища (табл. 133). Однако сейчас трудно уловить, на чем зиждился принцип этого комплекса. В течение всего периода существования раскопанный квартал Чатал-Гююка функционировал как довольно однородный организм; эволюция наблюдается лишь в усиливающейся разреженности ритуала от века к веку: если в древнейшем городе святилище приходилось на 2–3 дома, то в более поздних соотношение достигло 1:7, 1:8². Все так же святилища украшались рельефными изображениями богинь, все так же громадную роль продолжали играть их паредры-быки³.

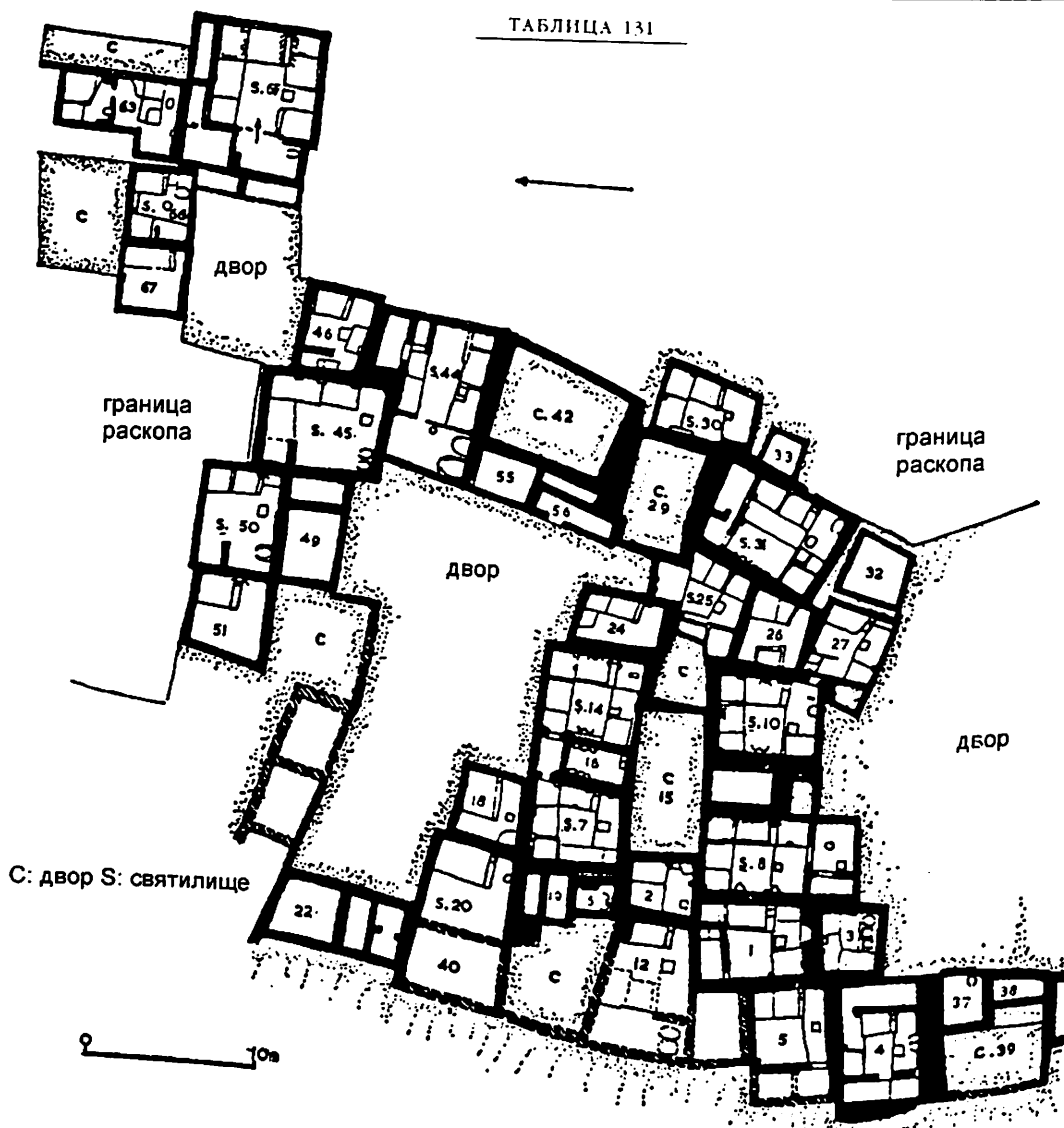
Дж. Меллаарт предпринял попытку сведения воедино принципов декора святилищ (табл. 134). За основу он взял функциональное украшение стен, прежде всего антропоморфными и зооморфными фигурами. В результате шестнадцать важнейших святилищ выстроились в общем ряду, начиная от более простых и примитивных и кончая развитыми и сложными⁴. Таблица наглядно демонстрирует смену «стиля» в слоях X–VI. Однако в ней есть один существенный изъян: шестнадцать святилищ из разных слоев оказываются смешанными в едином потоке⁵.

Другой недостаток, не менее существенный, видится в том, что Дж. Меллаарт ориентировался только на «фигурную» часть декора, упустив из вида антураж⁶. Под антуражем подразумевается характер членения, пространственной дифференциации и оформления внутренней среды, то есть самой архитектуры: где-то раскраска начнется чуть выше пола, где-то на уровне глаз; она меняет цвет; стена и пол (и, очевидно, потолок, судя по появлению в ряде святилищ «аттиков») тоже «движутся» в глазах зрителя и чрезвычайно активны. Постепенное изменение характера среды должно было иметь свой смысл, поскольку все святилища и дома города представляли единый организм.

Одним словом, «внешняя среда», то есть оформление интерьера, представляется более существенной идеей для построения таблицы типа меллаартовской.

Изображение «внешней среды» внутри помещения не могло быть произвольным; напротив, оно диктовалось строгими ритуальными законами. «Интерьер» тех времен был ничем иным как аккумуля-

ТАБЛИЦА 131

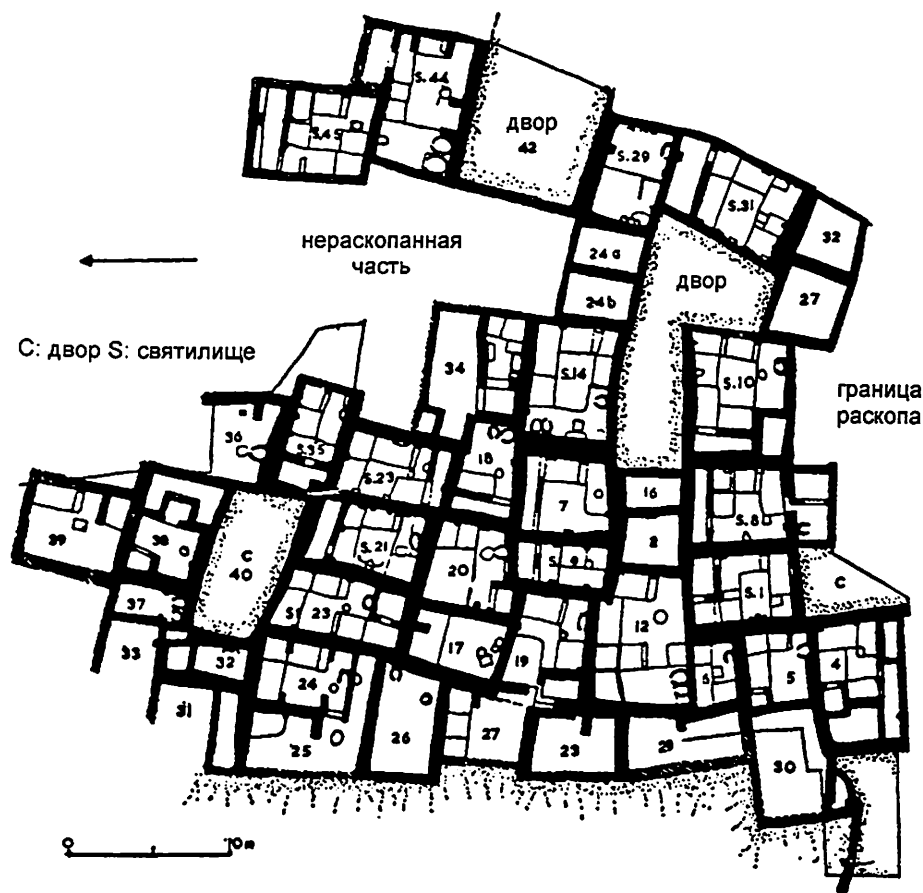


Чатал-Гююк. План святилищ. Слой VI А

мулированной проекцией «экстерьера». На это явление я обратил внимание еще в 1965 г. при изучении шумерской сакральной топографии⁷.

Весь внешний мир, вселенная (*kiški* = *kiššatum*), у шумеров делился на три зоны: 1) область 'небес'; 2) область 'Страны' (*kalam* = Шумер) и 3) область 'преисподней' (*kur-nu-gi* 'Гора без возврата')⁸. В свою очередь, Страна, то есть Шумер, имела строгую ритуальную структуру, базировавшуюся на взаимосвязи отдельных городов-государств с определенными пространственными ориентирами — частями света, с одной стороны (все они имели разную мифоритуаль-

ТАБЛИЦА 132

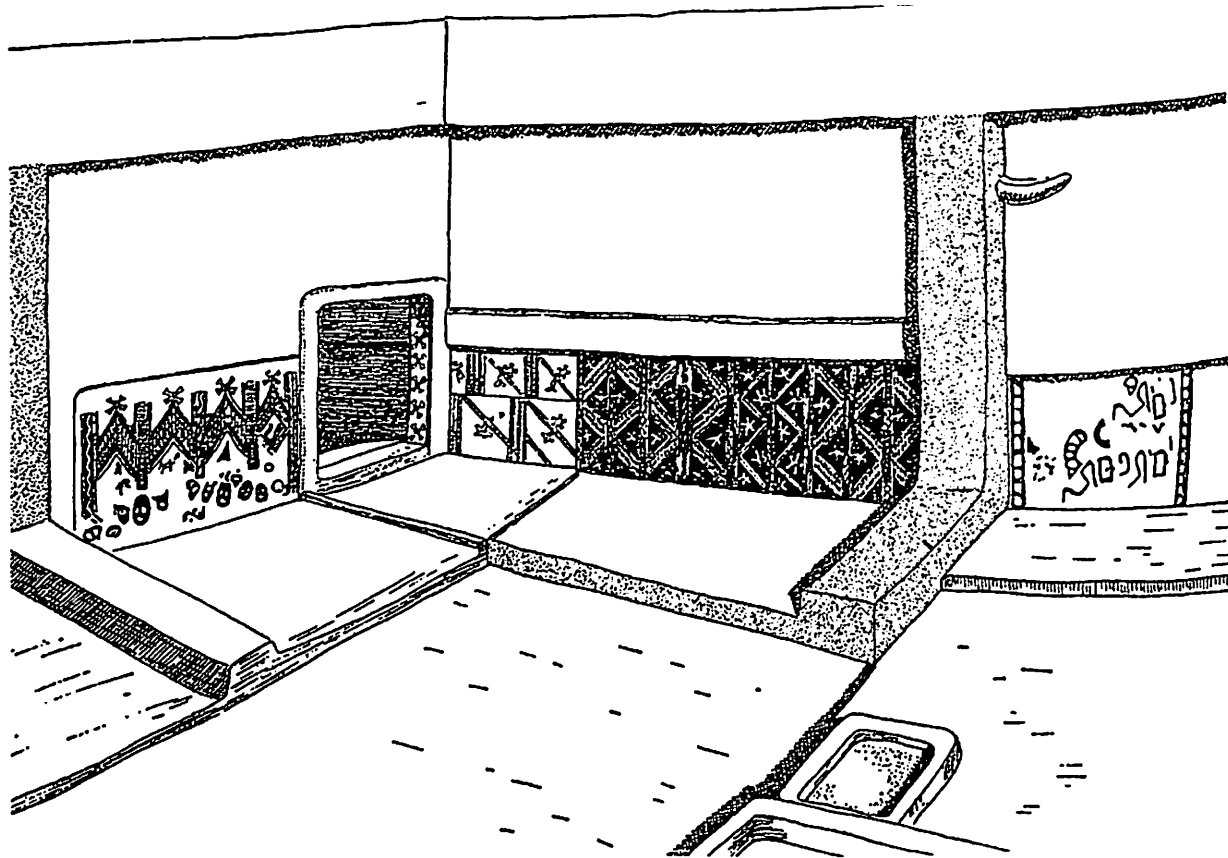


Чатал-Гююк. План святилищ. Слой VII

ную нагрузку), и частями мира, по вертикали, с другой⁹. И, наконец, главный сакральный объект каждого города в Шумере был средоточием ритуальных реликвий и символов, отражающих в их расположении в «интерьере» взаимосвязи первых двух уровней¹⁰. Декор стен, дистрибуция изображений, расстановка культовых вещей — даров, посвященных статуэток, жертвенных объектов, — все подчинялось сакральному порядку города, «Страны» и «вселенной». Вертикально-горизонтальные связи такого рода настолько прочны и жестки, настолько универсальны, что, зная определенный код, можно реконструировать весь сакральный контекст того или иного ритуального символа. Так, в ритуальных списках каждой реке мог соответствовать свой город, класс жителей, рыб, змей, насекомых и т. д.¹¹

Имея в виду эти предпосылки, я перестроил таблицу Дж. Меллаарта — за основу был взят принцип развития «интерьерной» среды (табл. 135). Принимались во внимание прежде всего структурные

ТАБЛИЦА 133



Чатал-Гююк. Слой VI/а, дом E.VI.1. Схема росписи



Дом E.VI.1. Надпись на восточной стене

формы: наличие (и число) или отсутствие окон, ниш; декор основной, северной, стены помещений; присутствие или отсутствие «ковровой» символики (в ее среде и обнаружались надписи); акцентировка входа и выхода из святилища; нарастание или затухание окраски подиума у основания стен и т. д. Результатом переосмысления явилась гипотеза, что сменяемость «стилей» непосредственно связана с функционированием различных ритуальных «картин». Все они связывались в единый комплекс, представлявший собой объекты, последовательно посещаемые священной процессией во время важной ритуальной церемонии¹². В перестроенном виде таблица Дж. Меллаарта приобрела следующий вид: VI.44, VI.61, VI B.12, VI B.10, VI A.10, VI.14, VI A.8, VI B.8,

VI A.7, VI B.7, VI B.1, VI A.50, VI B.15, VII.1, VII.10, VII.29, VII.35, VII.31, VII.9, VII A.8, VII B.8, VII.21, VII.45, VII.23, IX.8, IX.1, X.1.

Таким образом, интересующий нас слой VII (6200 ± 97 лет до н. э.) должен был представлять собой такую же цепь объектов, входивших в определенный сакральный маршрут. Можно думать, что целью процессии в честь возрождения божеств было, как и в позднейшее время, дарение им новых вещей¹³. Следовательно, главный чатал-гююкский праздник мог быть чем-то вроде Великих Панафиной, на которых возрождаемой богине подносили новый пеплос¹⁴.

Попытаемся восстановить ход движения этой праздничной процессии.

Отправным пунктом могло стать святилище № 23, не имевшее ниш-«окон» и заключавшее на восточной стене вышеописанное изображение богини-роженицы в «текстовом» поле¹⁵. Красные панели, представленные здесь, продолжались до половины северной стены, и на южной была устроена лестница для выхода на крышу (западная стена оказалась разрушенной). Затем шествие могло направляться на восток, к святилищу № 45, имевшему «окно» и аналогичное изображение богини, но на северной стене и без украшенного надписями покрова. Богиня также была помещена на красной панели. На восточной стене с такой же красной панелью сохранилась половина головы гигантского быка с одним коротким рогом, знак букрания с обведенным овалом изображением у лестницы на южной стене (западная также разрушена).

После этого процессия могла направляться по крыше всего храмового комплекса обратно к святилищу № 21, примыкающему к западной стене святилища № 23. Здесь исчезают барельефы с изображением богини. Господствуют букрании и головы быков, а также богини-птицы, обезглавливающие людей. Букраний помещен рядом с лестницей на южной стене, но без овала (*düğ*), вместо него над головой имеется знак *bag* 'внешний'. Было здесь и изображение головы Быка на красной панели.

Следующим объектом могло быть святилище № 8 в середине южной части храмового комплекса Чатал-Гююка. Дж. Меллаартом здесь было открыто два слоя окраски стен (А и В)¹⁶. Начнем со второго — В. Фрески представляют птиц, терзающих людей — одного при спуске с лестницы у южной стены, и еще какое-то существо на восточной стене и трех человек на северной стене (здесь уже пять богинь-птиц)¹⁷. К сожалению, западная стена разрушена. Первый слой (А) не дает изображений богинь-птиц. При спуске пустые стены южной и восточной стороны (если не считать букрания в нижнем северном углу) встречают посетителя, но северную стену покрывает изображение огромного быка-бизона, устремленного в сторо-

ТАБЛИЦА 134

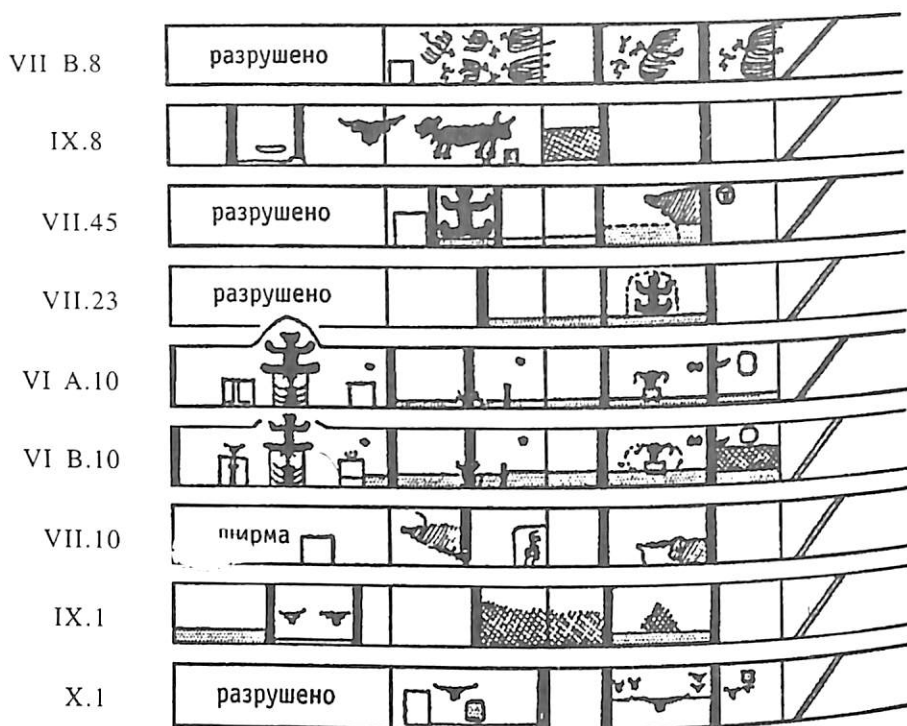
	западная стена	северная стена	восточная стена	южная
VI.61	ширма		разрушено	
VI.44	ширма		разрушено	
VI A.50	ширма			
VI B.15	ширма		разрушено	
VI.B.12	ширма			
VII.29	ширма			
VII.35				
VI A.7	разрушено			
VI B.7	разрушено			
VI.14				
VI.31	разрушено		разрушено	
VII.31			разрушено	
VII.9				
VII.21				
VI B.1	разрушено			
VII.1				
VI A.8				
VI B.8				
VII A.8				

Чатал-Пююк. Таблица систем декора святилищ (по Дж. Меллаарту)

ТАБЛИЦА 135

западная стена	северная стена	восточная стена	южная	
ширма		разрушено		VI.44
ширма		разрушено		VI.61
ширма				VI.B.12
				VI B.10
				VI A.10
				VI.14
				VI A.8
				VI B.8
разрушено				VI A.7
разрушено				VI B.7
разрушено		разрушено		VI.31
разрушено				VI B.1
ширма				VI A.50
ширма		разрушено		VI B.15
				VII.1
ширма				VII.10
ширма				VII.29
				VII.35
		разрушено		VII.31






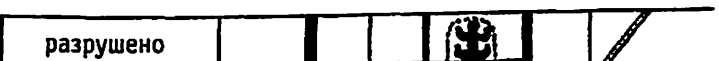



Чатал-Гююк. Таблица систем декора святилищ (по А. Г. Кифишину)



Чатал-Гююк. Таблица систем декора святилищ (по Дж. Меллаарту)


Условные знаки:



	VII.9
	VII A.8
разрушено 	VII B.8
	VII.21
разрушено 	VII.45
разрушено 	VII.23
	IX.8
	IX.1
разрушено 	X.1

Чатал-Гююк. Таблица систем декора святилищ (по А. Г. Кифшину)

ну «окна» в нижнем западном углу¹⁸. На западной стене появляются изображения двух богинь — «кариатид»; низ северного угла окрашен красным. Замена Быка птицей смерти в слое (В) наводит на мысль, что оппонентом богинь сначала был Бык, а затем уже птица смерти. Богини же были хранительницами людей. Соответственно и Бык, и птицы смерти находились с ними в конфликтных отношениях. После этого шествие направлялось снова к центру комплекса, святилищу № 9, расположенному к югу от святилища № 21.

В целом маршрут движения процессии от святилища № 23 к четырем другим представлял собой в графическом выражении «двукрылую петлю» (с восточным и южным крыльями), линии которых при стыке святилищ № 23 и № 9 не пересекались между собой, образуя древний символический образ 'Лиры'  (шумер. balag)¹⁹.

При входе в данную петлю-Лиру появлялось изображение первой и второй богини, при выходе — сразу двух. Внутри петли размещались букрании и птицы смерти (и гигантское изображение Быка). Святилище № 9, с которого начинался новый виток процессии, дает на восточной стене изображения трех голов Быка в ряд (центральная внутри «дома» и боковые на его пограничных столбах), стены же внутри не окрашены. Внизу северной стены две ниши-«окна», на западной стене — Бык, причем две головы Быка стоят на пограничных пьедесталах северной стены и три у южной. Вероятно, все святилище было посвящено Быку небес (шумер. Ану).

От святилища № 9 шествие должно было направляться к восточному углу храмового комплекса — святилищу № 31. В нем дан целый ряд изображений богинь: одна — внутри «дома» ('Инанна'), другая — вне ('Гатумдуг'), третья, с развевающимися волосами, может быть уподоблена богине-фурии Лилит ('Ашнан')²⁰. Богиня «внутри дома» могла встречать процессию сразу после спуска на южной стене. На восточной изображен пустой «дом» с красным подиумом, вне которого и представлена богиня с развевающимися волосами ('Ашнан'); рядом фигурирует знак двух лун (ω 'зерно')²¹. Ашнан у шумеров — спутница верховного бога грозы Ишкура (отсюда развевающиеся волосы), союзница страдающего Быка небес, помогающая ему, а не людям. На пустой северной стене, как и в святилище № 9, имеются лишь два «окна». Зато на западной стене разыгралась драма: богиня «вне дома» на северной стене, получив букраний, буквально запирает в «доме» три головы Быка и еще одну, опустившуюся на подиум, голову и другую, пригвожденную на северном постаменте «дома».

Богиня «вне дома» ('Гатумдуг') выходит из «окна» северной стены и запирает пять быков внутри западного «дома»; получая букраний (символ власти), она смертельно поражает одного, ранит дру-


гого и запирает в «доме» трех остальных быков. В то же время со стороны лестницы богиня «дома» гонит двух «Лилит» ^dnanše/^daḫpan (вне «дома» на восточной стене) в сторону другого «окна» северной стороны.

Таким образом, при «бычьем» начале второго этапа процессии богини-хранительницы людей побеждают быков и вселяются в «дом». Затем процессия могла поворачивать к святилищу № 35, расположенному у северной стены центрального святилища № 23. При спуске в святилище № 35 (южная стена его была пустой) на восточной стене был изображен «дом» Быка с двумя «грудями» женщин и нишей над головой Быка, а вне «дома» на южной стороне — букрании и «женские груди»²², на северной — две головы Быка в одном ряду, тянущемся поперек стены вплоть до «дома» с центральной головой Быка внутри него («окно» находилось на западной стене). О богинях здесь напоминают лишь «груды» — вероятно, «Лилит», союзницы Быка²³.

Затем процессия могла направляться к юго-западу комплекса — святилищу № 29, в котором на восточной стене помещен «дом» двух голов Быка с нишей и красным подиумом вне «дома» с южной стороны, столбом «дома» у северной стороны (без голов Быка), «окном» — выходом западной стены с так называемой «ширмой» (по Дж. Меллаарту)²⁴. Перед нами святилище Быка, куда еще не добрались не только богини, но и дева «Лилит».

Следующий объект — святилище № 31, но не доходя до него, процессия останавливалась у святилища № 10 на южной окраине комплекса. После спуска у южной стены поворачивали к восточной внутрь «дома». Там был изображен баран, на северной стене в «окне» фигурировало изображение оленя²⁵. По другую сторону «столба» в направлении зияющего «окна» западной стены, которая тоже имела «ширму» (screen) — отбита передняя часть скачущего оленя.

От святилища Барана и Оленя процессия поворачивала назад, проходя мимо святилища № 8, к последнему святилищу № 1. Его «дом» был весь расписан, без фигур. Только на западной стене, не имеющей даже «окна», были помещены барельефы двух богинь и двух лежащих быков — большого с южной стороны и малого²⁶ с северной, на красном подиуме.

Выходя из последнего святилища, участники процессии знали, что быки покоятся по воле богинь, все остальное скрыто под «ширмой» и символической раскраской стен (или протонадписями), кроме появившегося и сразу же умчавшегося оленя²⁷. Графическое выражение маршрута процессии, следовавшей от святилища № 9 к святилищу № 1, представляет собой знак  (шумер. zu) 'знать', а

вся процессия в целом уже следовала по пути, составленному из двух знаков — balag 'лира' и zu 'знать, познавать'²⁸.

Траектория движения процессии, выявляемая на основе анализа святилищ слоя VI (5986 ± 94, 5908 ± 93, 5850 ± 94, 5815 ± 92, 5800 ± 93, 5781 ± 96 гг. до н. э.), носит совсем другой характер. Вероятно, в это время приоритетный смысл получала фигура Быка — уже во второй части ритуальных шествий прежней эпохи определялись черты страстей этого божества. Начинаясь процессия из центра — святилища № 15, расположенного южнее предыдущего центра (№ 23), что потом сказалось на фигуре пересеченной петли (ранее пересечения не допускались)²⁹. При спуске в святилище № 15 появляется знак букрания в «доме». У восточной стены вне «дома» устроено «окно»; содержание «дома» не известно (эта часть святилища разрушена). По северной стене и внутри «дома» идет красный подиум, а за «ширмой» в северном углу — «окно».


Отсюда шествие направлялось прямо на север, достигая северной границы комплекса у святилища № 50. Здесь, после спуска у южной стены, на восточной появлялся барельеф богини «вне дома», сидящей на красном подиуме. «Дом», пространство за ним к северу, восточная часть северной стены до столба — все было раскрашено ковром символов, состоящих из знаков dumu-si, si, še, AN.AN, rab. dumu-si, dumu-si³⁰ и закрытых для непосвященных. Остальное пространство было пустым, кроме «ширмы» западной стены — ни дверей, ни «окон». Темное святилище с надписями богини «вне дома» (Гатумдуг) могло повествовать о гибели от ее руки бога-витязя Ану и его сына правителя 'Думуси'³¹.

Затем процессия поворачивала к центру комплекса — святилищу № 1. При спуске у южной стены, покрытой внизу, в восточной части и на прилежащих стенах, на одну треть ковром символов и надписей, входящие не встречали ничего вплоть до «дома». На восточной стене были изображены четыре сооружения с надписями под ними, в западной части находилось неизменное «окно» (западная стена здесь тоже разрушена).

Отсюда двигались, очевидно, к святилищу № 31, расположенному в юго-восточной стороне комплекса. Спустившись вниз, участники процессии видели на восточной стене, возможно, «дом» Быка (внутри «дома» все разрушено), без окраски — как и все в этом святилище. На северной стороне было два «окна», куда проникала, по видимому, богиня, ибо на западной стене она изображена на головах двух быков «вне дома»³².

И наконец, процессия поворачивала на северо-запад к святилищу № 7, пересекая центр у святилища № 5. Здесь в раннюю эпоху (VI/в) восточная стена была окрашена на две трети в красный цвет

— до столба «дома», за которым находилось «окно»-выход. На южном столбе «дома» в районе красного подиума находилась голова Быка, а на нем сверху сидела богиня³³. В позднюю эпоху (VI/A) после спуска у южной стены голова Быка находилась перед «домом» над красным подиумом, который тянулся на четверть высоты от пола, и внутри «дома». За «домом» было «окно». Внутри «дома» над красным подиумом углублена ниша-«окно» с букранием внутри, и на южной стене находился еще один букраний. На северной стене, как и на восточной, посередине был столб — без рогов Быка³⁴ (западная сторона разрушена).

Завершая первый этап процессии, участники ее, замкнув две петли (с северным и восточным крыльями), заканчивали траекторию пути ритуальной фигурой  (шумер. tin 'вино', ср. balag 'Ли́ра'³⁵). В этих святилищах в основном пребывали быки, и туда входила (через «окно») богиня, порой появлявшаяся «вне дома» на восточной (50) и западной (31) стенах святилища.

Каков был дальнейший путь процессии? От святилища № 7 она могла повернуть на юг и, пройдя всего один «дом», остановиться возле святилища № 8 — вероятно, самого репрезентативного в эту эпоху³⁶. Спустившись вниз у южной стены, участники могли видеть на восточной стене три головы Быка над раскрашенным «ковровым», с надписями, подиумом (под ним находился красный подиум). На южной стене висел одинокий букраний, красный подиум шел до середины северной стены. Над подиумом был изображен громадный бык-бизон, обращенный к западу мордой. На западной стене изображена богиня, сидящая на голове Быка, а далее к югу — одиночная голова Быка³⁷. Таково было изображение на стенах святилища № 8 (слой VI/в).

В более позднюю эпоху северная и западная части не претерпели изменений — лишь под Быком был расширен красный подиум. Ряд модификаций заметен на восточной стене. Три головы Быка были чуть приподняты к потолку. Красный подиум уступил место трем другим головам быков. На южном столбе дома тоже появляется голова Быка и еще одна бычья голова на том же уровне «вне дома». Букраний южной стороны остался без изменений. Вместо раскрашенного «коврового», с надписями, подиума (над бывшим красным) появилось «поле», разбитое на полоски и точки³⁸. К северу от «дома» на красном подиуме появились еще три букrania, или голова Быка, окруженная двумя букraniaми. Какой смысл скрывался в этом восьмичленном изображении голов внутри «дома» (трехчленном — букраниев, трех рогов на подиуме и т. п.), определить трудно. Во всяком случае, усиленный образный строй бычьих голов, букраниев и рогов далеко превосходит прежние конструкции святилища и говорит об усилении роли Быка — паредра богини³⁹.

После святилища № 8 шествие обращалось на северо-восток к святилищу № 14 — мимо святилища № 15, еще раз пересекая старую траекторию. Спускаясь по лестнице у южной стены, которая здесь неожиданно имеет красный подиум (на востоке) и «домик» с букранием на схематическом подиуме в западной части, участники процессии обращали внимание на крашенный «ковровый», с надписями, подиум восточной стены с «домом» двух быков. Один был представлен над подиумом, другой в его сфере. Подобная голова Быка находилась «вне дома» на северной стороне. На восточной стене — еще один букраний, под которым в подиуме изображено «окно». Внутри «дома» северной стены голов нет. Внизу южного столба «дома» — трехчастный бычий символ, как в святилище № 8. Внутри «дома» северной стены быков нет — все они «вне дома» к востоку. На западной стене с двумя «окнами» восседала сдвоенная богиня (Мать-Дева)⁴⁰. «Окна» северной стены теперь помещаются здесь, на западе.

После этого процессия направлялась на юг, завершив тем самым свой «четыреугольный» путь к святилищу № 10 (между святилищами № 8, 7, 14 и 10 с центром в № 15).

В святилище № 10 обстановка намного упрощалась. В «доме» на восточной стене с ее красным подиумом находится голова Быка (Барана?) и справа — две женские груди, а «вне дома» с южной стороны из столба торчит бычий рог, чуть далее — «окно»⁴¹. Северная стена тоже обведена красным подиумом. На ней находится пустой «дом» в западном углу, восточный столб которого внизу поддерживает (в подиуме) голова быка и какой-то столбик на полстены «вне дома». В западной стене — три «окна», посередине большое, по бокам два малых. В большой нише — трехчленная система рогов друг над другом, а выше — барельеф обнаженной богини, кошачья (?) голова которой выходит из границ потолка⁴². Красный подиум в ней исчезает, по бокам стоят столбы, и вся стена представляет собой «дом»: богиня в «доме», восседающая на тройных двоерожьях.

В этом святилище в следующую эпоху (VI/в) повторяется то же оформление интерьера, что и в эпоху VI/а. На западной стене над большим «окном» с трехчленной системой рогов выходит за уровень потолка фигура рожавшей богини⁴³. По обе стороны «окна» — малые ниши, над южной помещен букраний, над северной — женская грудь. На северной стене декор аналогичен обнаруженному в святилище № 10: пустой «дом» над усиленным красным подиумом, который занимает северную, восточную и часть западной стены. Изображения восточной стены те же, что и в эпоху VI/а: Бык с рогами, направленными вниз, на красном постаменте, с женской грудью к

югу от него, а вне «дома» — рог и «окно»⁴⁴, но в отличие от раннего святилища здесь есть еще один расписной «ковровый», с надписями, подиум под красным — под «окном».

От святилища № 10 процессия направлялась к святилищу № 12, проходя мимо центральных святилищ комплекса — № 8 и № 1. В святилище № 12 обращала на себя внимание система восточной стены: посередине — пустой «дом» с маленьким «окном»-нишей и красным подиумом внизу (он продолжается на север, где на стене был букраний). Справа, с южной стороны, имеются две горизонтальные полосы, пересеченные вертикальной линией типа знака PA \neq — 'Крыла' протошумеров⁴⁵. В восточной части северной стены «парят» две богини, в северной появляется красный подиум с бычьей головой внутри его (принесенной в жертву)⁴⁶. На западной стене, где, согласно Дж. Меллаарту, находится 'ширма' (screen)⁴⁷, внизу в северном углу видим «окно» (между богинями и «окном» — подиум с жертвенным Быком). Итак, богини «дома» постепенно захватывают власть в святилище № 12.

Отсюда процессия поворачивала в северо-восточный угол комплекса — к святилищу № 61. Здесь ее участники сталкивались с аккумуляцией всей жертвенной символики комплекса. Вдоль восточной стены идет красный подиум с «домом» посередине, обе его стороны фланкированы головами быков, помещенными в подиуме. Южный столб «дома» подпирает четырехчленная система рогов. Подиум, заключающий бычью голову, идет до середины северной стены. Он продолжается в западной части северной стены и заходит на западную стену — вплоть до «окна» и «ширмы». Под этой тонкой горизонтальной чертой идет более широкая и короткая. Изображения богинь заменились двумя линиями (у протошумеров это 2 dili '2 мужа-человека')⁴⁸.

И вот, от святилища № 61 идет последний поворот — к святилищу № 44. К сожалению, восточная стена почти целиком разрушена. Сохранился посередине лишь «столб» «дома» и рядом два «окна». После пары «окон» следует «дом» на красном подиуме. Здесь изображены два геральдических леопарда, обращенные мордами друг к другу. Их хвосты высоко подняты. На западной стене повторяется система структуры святилища № 61 с «окном» и «ширмой», но уже без параллельных линий. На северной стене на месте двух богинь святилища № 12 и двух линий святилища № 61 изображены два пятнистых леопарда. Их фигуры, как установил Дж. Меллаарт, обновлялись и перекрашивались почти 40 раз⁴⁹. Каждый раз пятна их шкур меняли свое положение.

Так завершался второй этап шествия — периода слоя VI. Он был связан с ритуалом жертвоприношения Быка, который вступал в но-

вые взаимоотношения с богиней⁵⁰. Она воцарялась на западной стене, восседая на бычьих головах. Власть быков на северной и восточной стенах ослаблялась. Жилище богинь перемещалось на северную сторону, а на западной появлялась «ширма». Быки северной, а затем и восточной стен постепенно становились жертвами. Две богини превратились в леопардов⁵¹. Конфигурация направления второго этапа процессии слоя VI в Чатал-Гююке напоминает лигатуру двух знаков giš и bar (𒀭, 𒀮), в целом: 𒀭𒀮 (в отличие от 𒀭𒀮 (zu) слоя VII)⁵². Вместе с предыдущим знаком tin (𒀵) получалось: geš-tin bar 'Богиня вина извне' — вероятно, титул знаменитой царицы sal-tuš bar-tuku, погубившей Энлиля⁵³.

Таким образом, хотя проблема очерчена лишь в самых общих контурах, есть основания думать, что чатал-гююкские святилища входили в ритуально-культурный комплекс, соединяемый воедино при обходе священной процессией. Причем маршрут процессии может представлять собой определенный символ, идеографический знак, концентрирующий смысл ритуала. Для слоя VII — это '(через) Лиру познать' (balag-zu), для более позднего слоя VI — 'Богиня вина внешняя' (geš-tin bar). Объяснить чем-то определенным этот сдвиг пока не представляется возможным. Но важно древнейшее появление 'вина' как метафоры крови в ритуале смерти-возрождения⁵⁴. Хозяйкой ритуала продолжает оставаться женщина, богиня, страдающим объектом — ее паредр, супруг. Много позднее «винный» ритуал найдет отражение в хеттском мифе о том, как богиня Инара (аналог Сальтуш, которая тоже хранит связь с «внешним» — sal-tuš bar-tuku) погубила вином Иллуанки⁵⁵. Важное место в этом праздничном обходе святилищ-домов (вероятно, нынешние рождественские шествия колядников — наследники древних обрядов⁵⁶) играла текстовая информация. Она заключалась не только на «пеплосах» богинь типа фигуры VII.23, но и в росписях стен, и на ритуальных статуэтках⁵⁷. Однако восстановить именно эту сторону праздника сейчас еще более сложно, чем сугубо изобразительный ряд.

• • •

Чатал-Гююк расположен в Центральной Анатолии, в равнинной местности неподалеку от соленого озера. Каменная Могила находится в Приазовье близ Сиваша. Близость ритуальных идей этих двух «письменных» центров древности заставляет задуматься о характере и причинах их связей. Девять надписей, расположенных на покрывале богини-роженицы из святилища № 23 слоя VII, соотносятся с рядом текстов Каменной Могилы. Надписи группируются в первом случае вокруг живота богини, отмеченного идеограммой 'Бла-

гая земля' (ki-dùg,) и, возможно, подчеркнутого рельефом, что означало беременность. На Каменной Могиле тексты группируются вокруг центра комплекса. Надписям правой части покрыва богини (с точки зрения самой богини, а не зрителя) соответствуют следующие тексты Каменной Могилы — и те и другие идут от центра против часовой стрелки.

Чатал-Гююк	Каменная Могилы
№ 1	№ 4
№ 2	№ 39
№ 3	№ 9/6
№ 4	№ 10
№ 5	№ 29
№ 6	№ 25/А
№ 7	№ 25/В

Надписи в левой части, напротив, идут по часовой стрелке.

№ 8	№ 37/4
№ 9	№ 34/А

Случайно ли это явление?

Надписи Чатал-Гююка и Каменной Могилы очень близки по содержанию, но они не идентичны, и копией ни одну из них считать нельзя. Чатал-гююкские идеограммы, более строгие, менее стилизованные по написанию, стремящиеся к относительно устойчивой графике, представляются более поздними, чем надписи Каменной Могилы. Анатолийские знаки близки протошумерским идеограммам, зафиксированным, например, на фигурном сосуде из Ярым-тепе II. Достаточно сравнить идеограмму en-líl₂, выписанную крестообразно на сосуде, и идеограмму панно № 34/А Каменной Могилы: siraga = АВ x KU₆. Кстати, связь Чатал-Гююка и Ярым-тепе II — на уровне текста — прослеживается и в ритуальной форме сосуда. На тулове упоминается богиня ama-kalam-dùg, 'Мать Благой Страны', которая фигурирует и в надписи № 2 на покрове богини. Там же Инанна имеет другой ритуальный эпитет: eden-na 'из Степи'. Он очень важен, поскольку по ряду косвенных данных представляется входящим в самоназвание Чатал-Гююка: (šu)-eden-na ki-dùg. Уже говорилось, что возможное самоназвание Каменной Могилы иное — šu-nun^{ki} 'Шунун' (ср. панно № 4 и надпись на одной из наружных плит в юго-западной части Каменной Могилы). Судя по смазанности черт в последнем случае, можно было предположить, что первичная протошумерская пиктограмма zi могла быть позднее переделана в šu-nun.

Разумеется, архаичность начертания знаков Каменной Могилы могла быть обусловлена и другими причинами — например, законсервированностью определенных способов письма в условиях

отсутствия его развития или же продиктованностью ритуальными предписаниями. Тексты Каменной Могилы пока не имеют сколь-либо надежной датировки — это проблема будущего.

Но есть ряд обстоятельств, свидетельствующих, как представляется, в пользу большей древности соответствующих каменномогильских текстов.

Прежде всего, приазовские тексты не только более архаичны по знаковой сути, но и гораздо более пространны. То, что в них изложено сюжетно, с рядом специфических деталей, в Чатал-Гююке сведено к кратким формулам. Это касается абсолютно всех вышеперечисленных текстов.

Кроме того, в Чатал-Гююке намечается распадение некоторых ритуальных фраз на две самостоятельные. Так, надпись № 3 на покрове богини гласит: 'Судит (бог) Ану', а надпись № 5 — 'Медведь (с) Лирой судит'. Хотя и на Каменной Могиле намечается нечто подобное (ср. надпись № 6 из Грота Быка № 9 и панно № 29), все же там имеются и гораздо более древние варианты, как, например, надпись № 7 из того же Грота Быка. Оба субъекта в ней еще фигурируют вместе.

Что очень важно, так это явно прослеживаемый «канон», к которому принадлежат и анатолийские, и приазовские тексты. Но опять-таки, что на Каменной Могиле выступает в полной форме, с законченной системой, то в Чатал-Гююке представлено фрагментарно. Собственно, «канон» четко выявляется лишь в приазовском памятнике, в Чатал-Гююке же он распознается с некоторыми трудностями.

Но главное, что в приазовских текстах имеются ссылки на каменные таблички (um), имеющие записи, очевидно, более древние или наделенные особой святостью. Так или иначе, у нас есть «первоисточник» и его дальнейшие варианты. Причем «первоисточник» реально существует в количестве 160 табличек, хотя пока и не прочитанных, но совершенно четко имеющих письменные тексты. Это обстоятельство совершенно уникально и выделяет Каменную Могилу как самый настоящий архив священных текстов. При этом форма ссылки на более древний образец, известная именно в Шумере, связывает с ним Приазовье глубокой ритуальной связью. Едва ли Шумер, классическая цивилизация Двуречья, дал столь архаичную «колониальную» форму как архив Каменной Могилы. Скорее, наоборот, она была «метрополией» и Шумера, и многих других центров «письменных культур» рассмотренного в работе ареала.

Другие памятники аналогичного письма, найденные на территории Европы и Азии

В процессе работы в поле моего зрения стали попадать разного рода материалы, касающиеся недешифрованной древней письменности, считавшейся стилизованными рисунками, однако практически не поддававшимися интерпретации. На одних я видел совершенно отчетливо знаки шумерского и протошумерского письма, другие оставались для меня загадкой. Они пока не исследованы мной в той мере, как приведенные выше панно Каменной Могилы. Но я решил включить их в книгу, чтобы показать определенный пространственно-временной (то есть исторический) контекст, в котором могут быть понимаемы знаки типа каменномогильских. Некоторые «письменные» вещи я нашел сам, другие были мне указаны специалистами, давшими находкам археологический комментарий.

Ортостаты кургана близ села Вербовка под Черкассами

Это самый интригующий памятник из всех, о которых здесь будет идти речь. Упоминание о нем я нашел в книге А. А. Формозова по первобытному искусству¹. Там же приводилась реконструкция А. С. Трофимова², на которой было показано странное сооружение с конической кровлей из бревен, опиравшейся на вертикальное кольцо камней. Фасады каменных плит были покрыты изображениями, которые мог принять за рисунки лишь человек, наделенный экстраординарной фантазией. Курган был раскопан графом А. А. Бобринским в 1903 г. В архиве удалось найти следующие данные о нем. Привожу их полностью, поскольку материалы, очевидно, прежде не публиковались, а памятник оказался затерянным. Вот что сообщается о «кургане № 1 у с. Вербовка Чигиринского уезда»³.

«В Чигиринском уезде в 8-ми верстах к Ю.-З. от Каменки, между селами Вербовка и Томашевка при запашке кургана в 1903 году случайно обнаружены были большие камни. Произведенная вслед за тем любительская раскопка выявила, что под насыпью кургана устроена была могила, обозначенная огромными каменными плитами. Внутри могилы оказалось несколько истлевших человеческих скелетов, обломки глиняной посуды и несколько мелких костяшек шейных привесок (№ 118) в виде маленьких трубочек. После раскопки кости были снова зарыты, черепки заброшены, внутреннее же пространство могилы вновь засыпано землей и сверху посажены дере-

вья. При этом отваленные камни были поставлены на прежнее место. Ныне заботами владельца земли Д. Л. Давидова курган охраняется от порчи. Благодаря любезности г. Давидова мне дана была возможность подробно ознакомиться с этим замечательным сооружением и снять несколько фотографических снимков. Курган обыкновенный, куполообразной формы, сильно расплывшийся. Длина его окружности около 150 м при высоте около 2 м; но курган значительно сглажен временем. В насыпи на высоте не выше 1 м от верха обнаружены были верхушки больших плит, окаймляющих могилу. Было ли что-либо найдено в насыпи — неизвестно. Могила устроена была в центре кургана. Судя по описанию лиц, присутствовавших при раскопке, в одной стороне могилы лежало на грунтовой земле до семи человеческих скелетов, положенных навзничь, один над другим, и переложенных слоями дерева. Кости совершенно исчезли; ни скорченного положения, ни красной окраски на костях не заметили; вещей — никаких, кроме упомянутых 6-ти цилиндрических маленьких костяных бусок № 118 при одном из скелетов.

По словам очевидца, человеческие кости оказались также и вне каменной ограды. При костях были еще и глиняные черепки с геометрической орнаментацией. Доведена ли раскопка до конца и не было ли подгрунтовых или боковых могил — с точностью определить невозможно. Могила прикрыта была сверху плоскою деревянною крышею, совершенно раскрошившеюся и свалившеюся во внутрь могилы. Крыша эта покрывала всю могилу и упиралась о камни; была ли крыша со скатом или плоская и из какого именно дерева — определить не удалось. Могильное пространство, окаймленное камнями, составляет большой круг диаметром в ок. 7 м. Плиты большие, массивные, очень толстые: форма их неправильная; камень — плитняк. Этой породы камня поблизости нет; ближайшее месторождение плитняка — у Чигирина. Верстах в 60 от Вербовки. Плиты вкопаны в землю стоймя и по большей части сверху заострены. Они прилегают одна к другой нижними частями; пространства же между верхними концами плит заложены валунами из гранита, который добывается в окрестностях Вербовки. Плиты эти немного наклонены (?) к центру. Ряд гранитных валунов установлен был и сверху над плитами для поддержания крыши. Всех больших плит 29. С южной стороны были две узковатые плиты, которые, по словам присутствовавших, при раскопке представляли входные ворота в могилу, покрытые сверху деревом. Камни эти, как и другие, были сдвинуты с места при раскопках и теперь установлены вновь не совсем правильно, так что предназначение — обозначать вход в могилу — ныне утрачено. Особое значение этих каменных глыб заключается в вырезанных на многих из них узорах первобытного типа, которые хотя сильно пострадали и сгладились от времени все же представляют большой интерес. Орнаментация воспроизведена

посредством глубоких врезов, сделанных в твердом камне. Несмотря на наивность рисунка, орнамент наведен с большой тщательностью исполнения. Узоры состоят из прямых, ломанных и крестообразных линий, а также из вписанных квадратов (фигура «гнезда»), внимательное и продолжительное изучение каждого камня, притом в разное время дня, при различном освещении обнаружило бы, вероятно, многие нарезки, мною незамеченные. На фотографических снимках, паче чаяния, довольно наглядно обрисовались некоторые из этих рисунков. Из 29 плит мною усмотрены следы начертаний на 17-ти (иные рисунки крайне слабые), более же других украшен десяток плит. В расположении украшения не замечается какой-либо системы. Рядом стоящие камни по их узорам совершенно не подходят один к другому, (выделено нами – А. К.) так что можно предположить, что камни эти первоначально имели другое назначение и находились на ином месте. Они, может быть, составляли стены жилища покойного до его смерти? Здесь камни были, вероятно, расположены иначе и рисунки одной плиты имели бы могилу, то камни перенесены были на место погребения и вкопаны в землю без соблюдения их первоначального порядка. По словам лиц, присутствовавших при раскопках, узоры выделаны лишь на наружной поверхности плит, внутренняя же сторона, обращенная к мертвецам, — гладкая. Впрочем, камни были исследованы лишь настолько, насколько позволяла их закопка в землю. Размеры камней приблизительно следующие. (Нумерация начата с северной стороны по направлению на 3. Камни, служившие входом, приходятся под № 14 и 15.)

№ 17 Высота ок. 1 м 16 (не считая вкопанной в землю части);

ширина ок. 0 м 60.

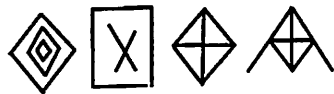
№ 20 Высота ок. 1 м;

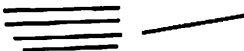
ширина ок. 0 м 60.


№ 22 Высота ок. 1 м 30;

ширина ок. 1 м 70.

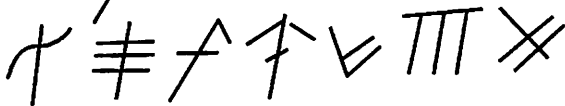
Рисунки на камнях состоят из прямоугольников:



прямых черт: 

углов: 

перекрещивающихся линий:



змеевидных линий:
и точек.



(См. фотографич. снимки.)⁴.

Приведенное сообщение показывает, что изображения на ортостатах кургана были настолько непохожи на обычные, пусть немелкие или упрощенные рисунки, что автор затруднился хоть как-то словесно обозначить их. Приведенные им «типичные» знаки, в том числе вписанный ромб, — чисто шумерские. Однако состояние затерянного памятника и неудовлетворительность фотоснимков не позволяют сейчас сказать что-либо определенное о смысле надписей. Есть надежда, что очень точные и тщательные прорисы копии, за которые я очень признателен Е. Н. Кувшиновой, позволят в дальнейшем пролить свет на этот загадочный памятник. На ортостате № 16 в копии Е. Н. Кувшиновой явно читаются знаки $gá_2-tù_3-dù_3$, расположенные в форме полумесяца (☾); на ортостате № 17 четко определяются знаки *eden-na* (и у Е. Н. Кувшиновой и у А. С. Трофимова). На ортостате № 15 (который произвольно слит с № 16 у А. С. Трофимова) имеются *en x an*, ug_6 , *kud* и еще ряд знаков, неизвестных в других копиях: *sag-èš_3-tar*. На ортостатах № 13 и № 14 явно читается в копии Е. Н. Кувшиновой: *kin-máš_2 inanna-eden-na ama-kalam-dù_3 suhur-a-lal ug_6*. Таким образом, вход в гробницу между надписями Гатумдуг (№ 15–17) и Инанны (№ 13–14) весьма проблематичен. Он должен был быть после ортостата № 17.

Ортостаты кургана близ села Вилино Бахчисарайского района

Видимо, аналогичный курган с ортостатми был открыт в 70-х годах нашего века близ с. Вилино в Крыму археологом из Симферополя. Об этом памятнике мне сообщил Б. Д. Михайлов⁵. Открыватель кургана Валерий Николаевич Хоменко умер, его научный архив погиб. В отчете случайно уцелели два фотоснимка, запечатлевших два ортостата. Надписи на них в отличие от вербовских были очень крупными и индивидуальными. На одном камне, если верить снимку, значилось *im = iškur*, на другом — *še.tir = ašnan*; все вместе составляло: *iškur tar-gal ašnan <tu-gi>*. Возможно, этот памятник еще поддастся реконструкции, о судьбе же ортостатов мне сейчас неизвестно. Часть их (?) якобы хранилась в Бахчисарайском музее⁶, но точных сведений об этом мне получить не удалось.

Пещера Архундыяз-Тарама на Донетчине

В 1992 г. донецкими археологами А. И. Приваловым, В. А. Посредниковым и Д. П. Кравцовым была раскопана первая камера пещеры Архундыяз-Тарама, находящаяся на полпути между Донецком и Мариуполем, в районе Докучаевска (табл. 136). Она имела овальную форму (6,5 x 4,5 м) и арочный куполообразный свод. Высота свода — 1,4 м. Вход в другую камеру преграждал оползень. Авторы сообщают:

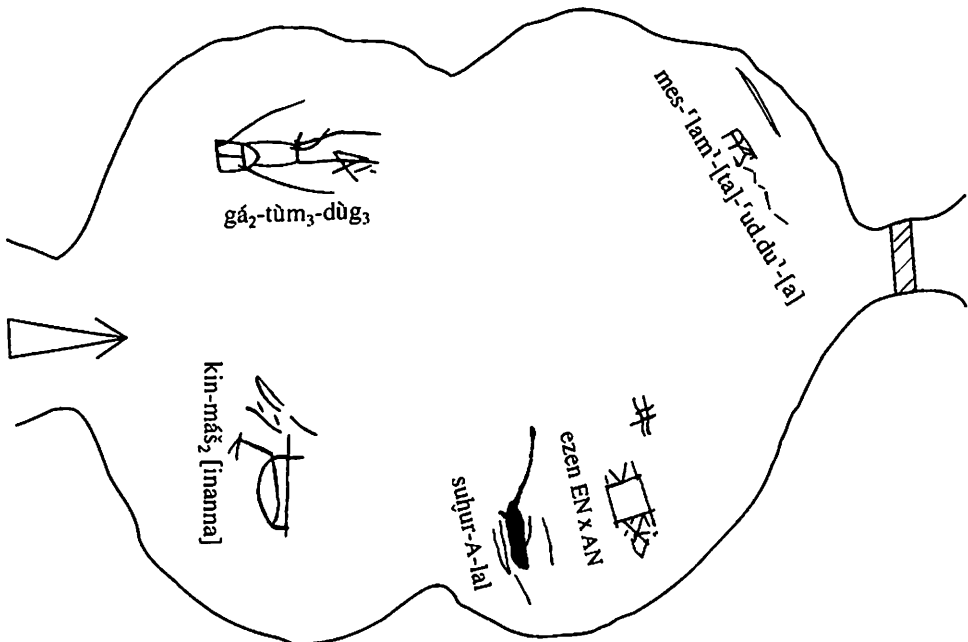
«На своде и его склонах в камере пещеры было обнаружено семь замытых рисунков, выполненных в схематизированном стиле единой техникой красной краской — охрой на плоскостях серо-белого доломита. Все рисунки, как и стены и свод пещеры, покрыты относительно прозрачной дымкой белесого известкового налета. Сохранность рисунков удовлетворительная, хотя стены пещеры заметно пострадали от разнохарактерных прописей людей современной цивилизации».

Первый рисунок⁸ обнаружен в центральной части свода, второй⁹ в неглубокой выемке свода ближе к выходу, третий¹⁰ и четвертый¹¹ — на своде, недалеко от первого; пятый¹² — на склоне с юга, ближе к выходу; шестой¹³ и седьмой¹⁴ в дальнем конце. Приведенные в публикации копии рисунков работы Д. С. Цвейбель и А. И. Привалова позволяют воспринимать эти надписи как текст, несмотря на их очевидный (антропоморфные фигуры) и неочевидный (неясные формы) изобразительный характер.

Во всяком случае, на данном этапе вырисовывается следующее: gá₂-tùm₃-dùg₃, [...] kin-máš₂, [inanna ama-kalam-dùg₃] [...] suḫur-a-lal [...] EN x AN ezen [...] mes [lam] [-ta-] [ud.du] [a][...] ‘Татумдуг [...] жребий Козленка [Инанна, Мать Благой Страны] [...] Сухуралаль [...] владыка неба праздник [...] Мес[лам] [та] [эа] [...]’¹⁵.

Упомянутые фигуры заставляют вспомнить тексты Каменной Могилы — панно № 4¹⁶, № 39¹⁷ и надпись № 6 из Грота Быка¹⁸.

ТАБЛИЦА 139



Пещера Архундыяз-Тарама под Докучаевском. Надписи потолка.

Реконструкция А. И. Привалова

Глиняные таблички Горбуновского торфяника в Зауралье

Этот материал (табл. 137) был любезно предоставлен в мое распоряжение известным московским археологом М. Ф. Косаревым; готовится к публикации наша совместная статья. По сообщению М. Ф. Косарева, Восточное Зауралье и Западно-Сибирская равнина были открыты для южных связей еще с эпохи мезолита (XII-VIII тыс. до н. э.). Южные воздействия зафиксированы в виде четырех главных волн, третья из которых (вторая треть II тыс. до н. э.) удивила ученых тем, что на местной посуде самусьской культуры в низовьях Томи появились близкие соответствия месопотамской глиптике. Но таблички, о которых идет речь, датируются III тыс. до н. э.¹⁹

Об обстоятельствах находки М. Ф. Косарев сообщает следующее: «Горбуновский торфяник (VI разрез) исследовался московским археологом Д. Н. Эдинггом в течение четырнадцати полевых сезонов (с 1926 по 1939 г.). К сожалению, Д. Н. Эдингг не уделял должного внимания керамическому материалу. Его в первую очередь интересовала высокохудожественная деревянная скульптура этого памятника, которой он почти всецело посвятил свои публикации, касающиеся горбуновских древностей²⁰. Только в одной из перечисленных работ часть текста была отведена общему описанию горбуновской керамики (исключительно посуды) вне ее эпохальных и стратиграфических соотношений. При этом подводился итог лишь первым трем (из четырнадцати) годам раскопок: 1926–1928. Указывалось, что обломки глиняных сосудов залегали преимущественно в пограничье гиттии (озерного ила) и основания торфа и сосредоточивались главным образом возле широких жердяных свайных настилов, которые в те далекие времена выходили к еще незаторфованному озеру и являлись жертвенными площадками, соединявшимися меж собою идущими вдоль берега озера жердяными мосточками. В целом памятник был совершенно справедливо трактован как грандиозное древнее святилище»²¹.

Возможно, две глиняные таблички со странными знаками не являлись там единственными, поскольку сообщение об аналогичных памятниках делал московский археолог В. Ф. Старков (конец 1970-х – начало 1980-х гг.)²². Все находки хранятся в Нижнетагильском государственном музее-заповеднике горнозаводского дела.

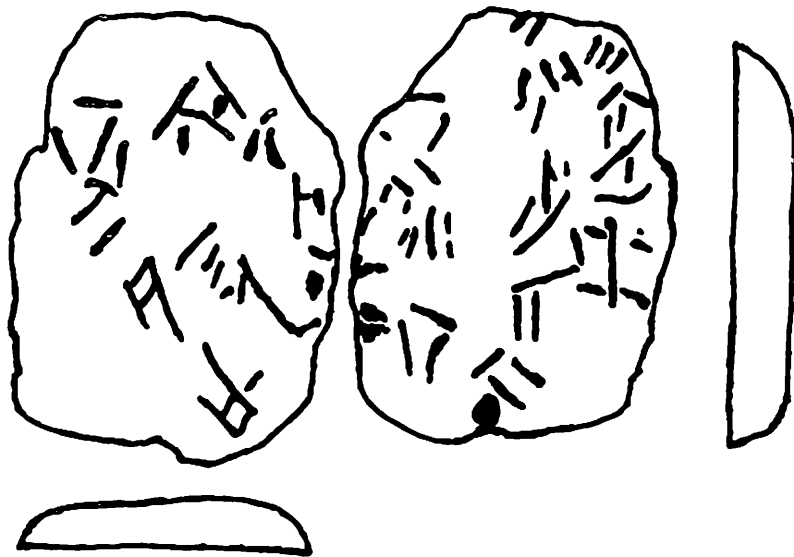
Я прочел текст. На лицевой части первой таблички ТМ-2230/200 значилось:

utu-bír₂ balag LAM x KUR-ru tuku

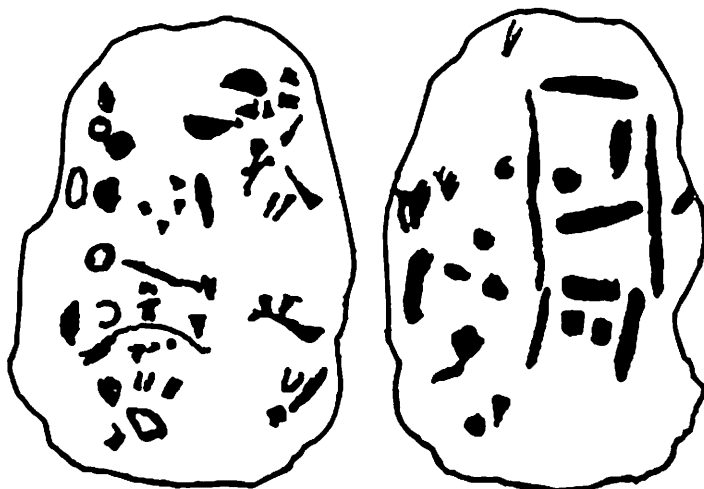
На оборотной — dumu-zi nin-a-zu a-a-gi ki-[in]-dar

‘Сверкающий Уту Лиру Аратты получил, //

ТАБЛИЦА 137



Горбуновский торфяник. Табличка ТМ-2230/200 (по М. Ф. Косареву)



Горбуновский торфяник. Табличка ТМ-2230/201 (по М. Ф. Косареву)

Думузи (от) Ниназу семя вывел (из) пропасти²³.

Под знаками *du-mu-zi* слабо читаются стертые знаки *en-lil₂-ra-il₂*, отдельные элементы которых видны и на фотоснимке, и на прориси М. Ф. Косарева. Не исключено, что разрез VI Горбуновского торфяника, относимый к липчинской культуре и датируемый второй половиной IV – первой половиной III тыс. до н. э., имеет более древнюю традицию, уходящую корнями в культуру Ташково I (V тыс. до н. э.)²⁴.

Зооморфный сосуд из Ярым-тепе II в Месопотамии

Этот памятник уже фигурировал в работе²⁵, но он заслуживает самостоятельного внимания.

Ярым-тепе II — одно из сравнительно полно исследованных поселений Месопотамии, относящихся к халафской культуре (V тыс. до н. э.). Поселение было традиционно основано близ реки, Синджары, на ее правом берегу. Исследователями отмечена плотная, но не беспорядочная застройка поселения, наличие круглых в плане («толосовидных») построек, отмеченных во всех районах распространения халафских построек — от бассейна Евфрата и Тигра до Юго-Восточной Турции²⁶. Популярность в Северной Месопотамии V тыс. до н. э. «толосов» «чужда местной строительной традиции»²⁷; происхождение такого типа построек здесь пока не объяснено. Особенности Ярым-тепе II были также необычны прежде для Месопотамии обряд трупосожжения и случаи захоронения человеческих черепов²⁸. И кроме того, сложный, весьма дифференцированный культ. Достаточно упомянуть, что при закладке одного из домов было установлено совершение «строительной жертвы» — бескровной (толос LXVII)²⁹.

Об обстоятельствах нахождения интересующего нас памятника Р. М. Мунчаев и Н. Я. Мерперт пишут следующее: «Не менее интересны и другие культовые объекты. К ним относится прежде всего открытая в древнейшем горизонте Ярым-тепе на участке 28а на глубине 6,6–6,8 м яма округло-овальной формы (0,8 x 0,5 м). В ней были разбросаны обломки нескольких сосудов: большой расписной чаши (рис. 67,5), груболепной корчаги серо-буроватого цвета и *крупного расписного зооморфного сосуда в виде скульптурного изображения свиньи или слона* (рис. 68; 69). Между ними лежала алебастровая чашечка (рис. 65,6). Многие обломки сосудов были закопчены, на их стенках отмечены зольно-угольные пятна. Фрагменты одного и того же сосуда находились в разных частях ямы и на разном уровне.

Следы кострища в специально вырытой яме, куда были брошены намеренно разбитые сосуды, находка здесь *уникального зооморфного сосуда* бесспорно свидетельствуют о том, что перед нами определен ритуал. Где он происходил — неясно, но совершенно очевидно, что во время его совершения был разожжен костер, сосуды были разбиты и брошены в огонь или на место прогоревшего костра. Видимо, вскоре после совершения этой церемонии они были собраны и «погребены» в яме»³⁰.

Что же касается специфики росписи сосуда, она охарактеризована авторами раскопок так: «Все части тела, включая морду и

хвост, четко выделены. Сосуд имеет высокую, как у кувшина, горловину. Он целиком расписан, и среди прочих элементов росписи встречаются косые вертикальные и волнистые линии, изображения солярных знаков и т. д. (рис. 99). Роспись светло-коричневого цвета по розовато-желтоватому фону.

Расписной зооморфный сосуд на ножках и с высокой шейкой, очень похожий на сосуд из Ярым-тепе II, найден в Телль Арпачии. Он значительно меньше по размерам и не столь выразителен. Если наш сосуд найден в древнейшем горизонте поселения, то арпачийский происходит из позднего халафского слоя (ТТ6) памятника. В других комплексах Халафа, насколько нам известно, таких сосудов нет. Правда, в Телль Арпачии, в позднейших горизонтах Ярым-тепе II и в Телль Халафе встречены фигурные сосуды в виде птиц. Вопрос о происхождении описанных уникальных сосудов, равно как и многих наиболее характерных форм халафской керамики, остается по сей день, к сожалению, открытым³¹.

Авторами описания была оставлена без внимания уникальная система росписи зооморфного сосуда, разительно отличающаяся от обычных крашенных сосудов халафской культуры. Сосуд функционально разделен на зоны, на шейке и тулове его написаны разные тексты. Необычен он именно потому, что расписан не орнаментами, а идеографическими знаками.

Текст на шейке:

balag-bar pab ki-sal gá₂-tùm₃-dùg₃ utu-lal// utu-PA-ll₂ inanna-ki-ág₂

Текст на тулове:

ama-kalam-dùg₃ en-líl₂ tir-engur-kèš₃ tuku

Перевод:

‘Лиру внешнюю правительницы Кисаль (у богини) Гатумдуг Уту завязал.// Утупаия (Уту затемненного) Инанна возлюбила.// (Благодаря) Матери Благой Земли (Инанне) Энлиль Лесом Бездны Кеша завладел’³².

Следует отметить «крестообразный» принцип начертания en-líl₂ в Ярым-тепе II и siraga: KU₆ x AB или AB x KU₆ на Каменной Могиле. «Крест» аналогичен каменногомогильскому и особенно важен в той связи, что под Сирарой (акулой-вишапом?) мог подразумеваться и Энлиль, ‘рыба моря’ (KU₆ x AB).

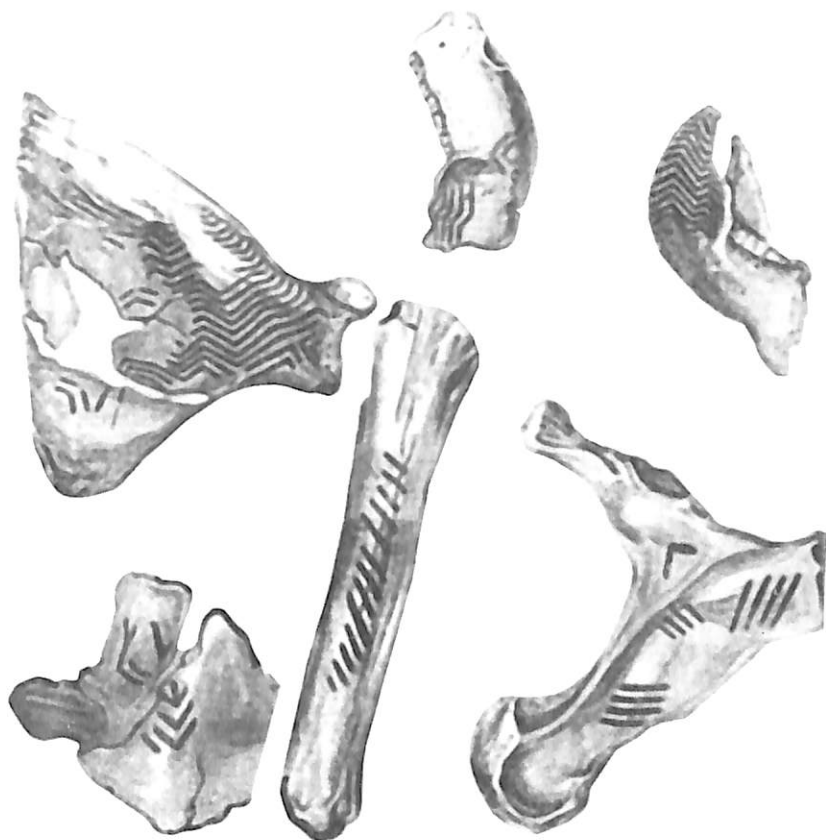
Образ прото-Энлиля, проявившийся на зооморфном сосуде, выразительно связан с огнем, что показывает контекст его нахождения — связь с «ямой огня», «захоронением» и «огненной печью». В шумерское время «огонь Энлиля» сменится «морем Энки»³³.

Расписные кости мамонта из села Мёзин на Черниговщине

В 1954 г. украинскими археологами И. Г. Шовкоплясом и И. Г. Пидопличко были обнаружены развалы жилища позднепалеолитического поселения. Оно находилось на месте с. Мёзин, расположенного по склонам балки, на правом берегу Десны, в Коропском районе Черниговской области. Площадь пода — 20 кв. м. Жилище было выложено из заранее собранных для строительных целей костей мамонта.

И. Г. Пидопличко пишет: «Не исключено, что на внутреннюю планировку жилища могло оказать влияние наличие в нем культового уголка, украшенного орнаментированными красной охрой костями. Мы уже упоминали о том, что сохранившиеся в первоначальном виде костяные (вкопанные в лессе на глубину до полуметра) пасынки для жердей обрисовывают коридороподобное пространство, разделяющее внутреннюю часть жилища на две — западную и восточную. Культовые предметы, состоявшие главным образом из раскрашенных охрой костей мамонта, кроме одной антропоморфной фигурки, были сосредоточены в западной части жилища (квадрат 23 и частично 25). Попытка раскраски охрой лобной кости вертикально стоящего в цоколе черепа предпринималась сначала в восточной части жилища (квадрат 33), но не была завершена. На лобную кость здесь красной охрой был нанесен лишь один зигзаг. Раскрашенные красной охрой кости мамонта как образцы древнейшего декоративного искусства на территории Украины и как предметы культа уже описаны И. Г. Шовкоплясом... Наиболее старательно была раскрашена лопатка мамонта. На этой лопатке, не предназначавшейся для конструкции жилища, лопаточный гребень не был сломан. Геометрический орнамент, нанесенный на лопатку мамонта красной охрой, относительно хорошо сохранился, однако на отдельных частях охра стерлась. Кроме раскрашенной лопатки в том же квадрате найдены раскрашенные тем же способом бедренная и тазовая кости мамонта и две нижние челюсти. Недалеко от них найдена антропоморфная фигурка из бивня мамонта. Хотя все раскрашенные кости после развала жилища оказались на полу жилища и были завалены другими костями, не остается сомнения, что они были расположены особой группой, не входили в конструкцию жилища и служили каким-то культовым целям. Это обстоятельство дало основание некоторым исследователям считать мёзинское жилище чем-то вроде храма. Нам кажется, что этот взгляд односторонний, поскольку сочетание подлинного жилища с наличием в нем особого культового уголка и инвентаря свойственно обычаям многих древних и более поздних народов и часто наблюдалось до последнего времени в избах наших крестьян»³⁷.

ТАБЛИЦА 138



Мёзин. Знаки на костях мамонта (по И. Г. Пидопличко)

Мне представляется, что росписи на мёзинских костях мамонта родственны протонадписям (табл. 138). В частности, на одной из них я вижу знак IM 'гроза', 'бог грозы'³⁸, на другой, самой большой и с наиболее богатым «текстом» — zi 'душа'³⁹. В сложной лигатуре нижней части росписи я усматриваю целую фразу: en-líl₂ gi₄ 'Энлиль возвращается'⁴⁰. На других костях я прочитал: še-tir 'зерно леса'⁴¹ и mar-zi-gi₄ '(люди) марзи возвращаются'⁴². Осмелюсь высказать предположение, что надписи могли следовать в определенном порядке (в книге И. Г. Пидопличко, 1969, рис. 31: № 6, 5, 4, 2, 3, 1). Тогда целое представляло бы нечто вроде: IM en-líl₂ gi₄ mar-zi dumu-zi 13... še-tir... 'Ишкур Энлиля вернул (благодаря) (людям) марзи, (а) Думузи (после) 13 (возлияния?) Ашнан...'⁴³.

Если чтение хотя бы в общем виде имеет смысл, тогда текст выступает буквальным аналогом заключенному в панно № 7 Каменной Могилы⁴⁴.

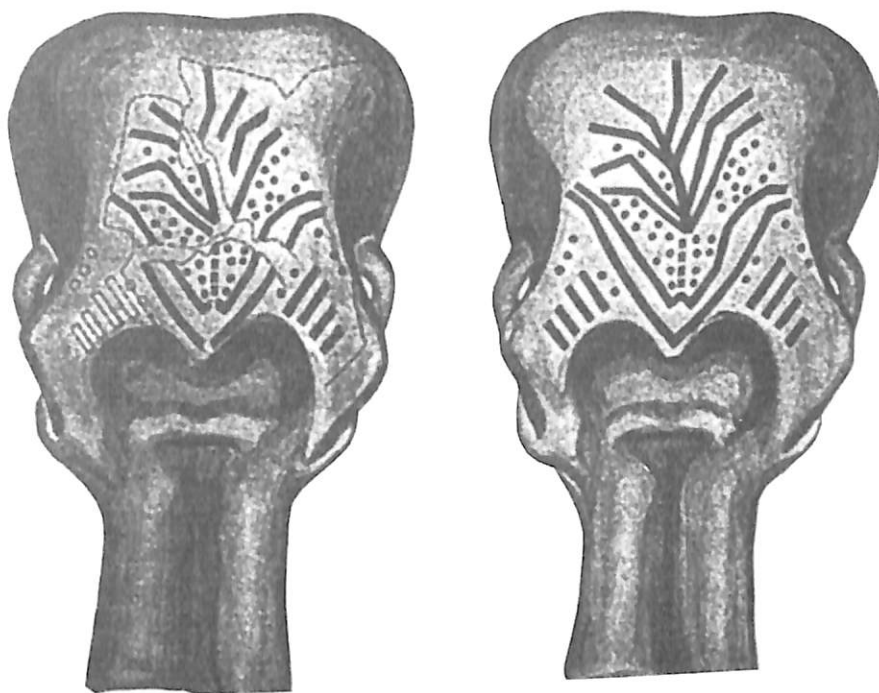
Расписные кости мамонта из села Межирич на Черкасщине

В с. Межирич Каневского района Черкасской области в результате раскопок под руководством И. Г. Пидопличко были обнаружены также следы позднепалеолитического поселения. Интерес к открытию был усилен обстоятельством, что «с. Межирич расположено в междуречье р. Рось и ее притока Росавы, устье которого находится в самом с. Межирич. Долину р. Рось с ее притоками Росавой, Роставицей, Роськой и другими многие исследователи считают прародиной русичей, составивших ядро древнерусского государства — Киевской Руси»¹⁵.

Межиричское жилище было замечательно во многих отношениях. Как и в других жилищах, у него был цоколь, надцокольная часть и крыша и, кроме того, завалинка, фасадная часть и защитный забор. Оно отличалось сплошной внешней обкладкой нижними челюстями мамонта — цоколя и частично надцокольной части¹⁶. По словам И. Г. Пидопличко, «в с. Межирич мы видим как бы законченный позднепалеолитический тип жилища, причем довольно сложный и замысловатый с точки зрения приемов строительства и архитектуры»¹⁷. Обкладки цоколя нижними челюстями мамонта в других жилищах пока не обнаружено. Площадь (42 кв. м) в два раза превышает мезинскую (20 кв. м). Всего на постройку пошло 385 костей. В ней жили — там был очаг и найдено много кремневых изделий, а также изделия из рога, куски охры и янтаря, культовые фигурки. Жилище было покинуто людьми по неясным причинам.

«Большой интерес, — пишет автор, — представляет выполненный красной охрой культовый рисунок на лобной части черепа мамонта. Этот череп во время раскопок найден при входе в жилище (рис. 57). Лежал он лобной частью вниз (что способствовало сохранению рисунка) в пределах квадратов 2 и 3. Композиция рисунка и его расположение свидетельствуют о том, что этот разрисованный череп находился при входе в жилище в вертикальном положении, будучи вкопанным в землю максиллярной частью. Рисунок размером 30 x 30 см представляет собой набор сплошных ломаных линий (ширина — 8–10 мм), выходящих из одного места и располагающихся кустообразно. Всего таких линий тринадцать, не считая некоторых коротких несплошных. Между сплошными линиями группами расположены округлые пятна диаметром 8–12 мм. Пятна плохо сохранились, однако 31 пятно поддается опознанию. В отношении семантики рисунка высказаны различные мнения, однако наиболее вероятным допущением является то, которое определяет этот рисунок как изображение огня. Рисунок расшифровывается как полуреалистическое изображение языков пламени и искр»¹⁸.

ТАБЛИЦА 139



оригинал

реконструкция

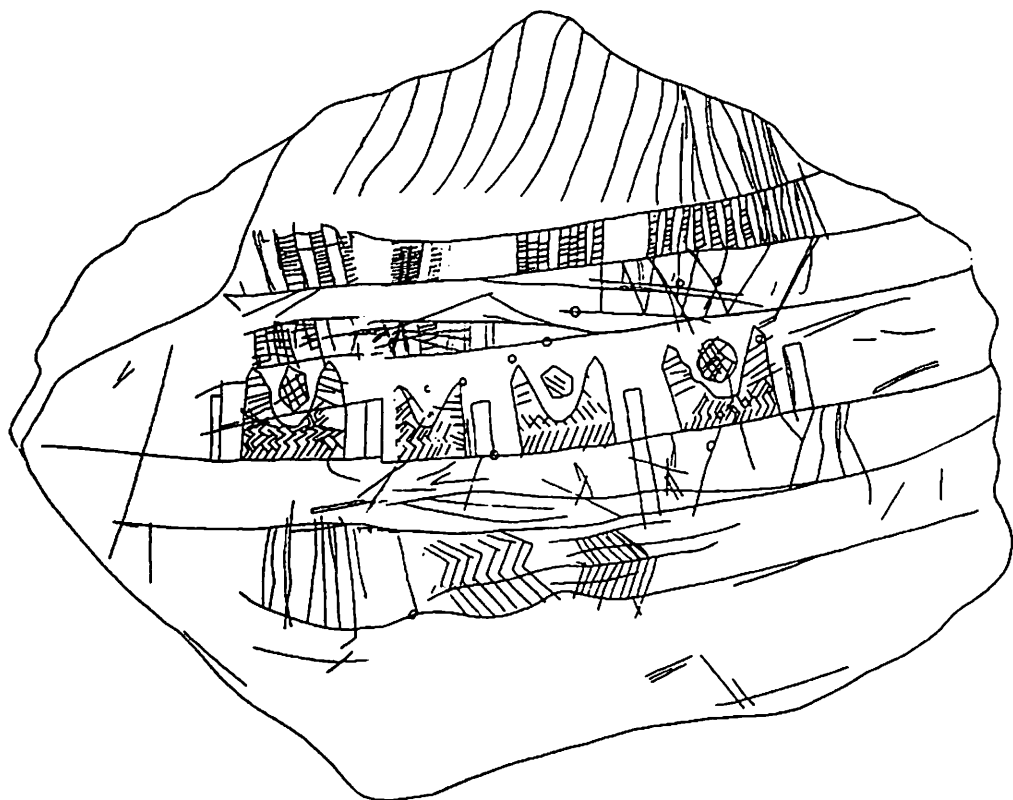
Межирич. Знаки на кости мамонта (по И. Г. Пидопличко)

Надпись на этой вещи читается мной как: LAM x KUR(?) - ru 'Аратта'¹⁹ (табл. 139).

Она перекликается с аналогичными надписями Каменной Могилы: панно № 37/4⁵⁰ и таблички № 62 из Грота Козы⁵¹.

Еще один «письменный» памятник найден был И. Г. Пидопличко в том же жилище в квадрате 7 недалеко от входа. Этот рисунок, — пишет он, — «сделан штрихами на фрагменте бивня старого мамонта длиной 21 см, шириной 11 см. Рисунок представляет собой целую композицию, семантика которой еще не раскрыта. Основных элементов композиции на этом рисунке можно различить шесть — первый (нижний) изображает полувертикальные штрихи; второй — в виде полосы с вертикальными и поперечно штрихованными стволами (ширина стволов 3–5 мм); третий — полоса с неправильной полувертикальной штриховкой в левой и правой половинах с вертикальными поперечно штрихованными стволами, нарисованными лишь в верхней части полосы; четвертый — наиболее интересный — в виде четырех конусо-куполообразных изображений, как бы накрытых геометрическим орнаментом; пятый — полоса (шириной 1,5–1,8 см) с редкой вертикальной и горизонтальной штриховкой;

ТАБЛИЦА 140



Межирич. Знаки на кости мамонта (по И. Г. Пидопличко)

шестой — полоса (шириной 1,5–1,8 см) с вертикальной («стволовой») штриховкой в правой половине и с геометрическим орнаментом знака воды посередине. Наибольший интерес представляет четвертая полоса, так как не исключено, что конусо-куполообразные фигуры представляют собой изображения четырех жилищ. В позднепалеолитическом искусстве Западной и Южной Европы прямых аналогий этому рисунку разыскать не удалось»⁵².

В этом рисунке я тоже усматриваю текст. Его нижний фриз может быть транскрибирован как

gi-zí gi 'направиться в Гизи'⁵³ (буквально gi-zí значит 'Тростник душ')⁵⁴ (табл. 140).

Панно франко-кантабрийских пещер

Из сотни палеолитических пещер Франции (70 пещер) и Испании (около 30 пещер на Кантабрийском побережье Бискайского залива), имеющих живописные и гравированные панно (XI–X тыс. до н. э.), — большинство включено в свод в знаменитом корпусе Анри Леруа-Гурана⁵⁵.

Кроме изображений на стенах этих пещер, имеются еще гравированные панно более позднего (мезолитического) времени под Парижем (в районе западнее Фонтенбло) — аналогичные надписям Каменной Могилы под Мелитополем (сейчас известно более 50 гротов того же времени под Парижем⁵⁶ и 25 гротов в районе р. Дордонн⁵⁷, а также в других местах Франции, обозначенных некоторыми учеными как «граффити»⁵⁸.

Прошло вот уже столетие, как лучшие умы Франции пытаются проникнуть в их содержание, представляя результаты своих достижений на заседаниях археологических обществ и Академии наук. И самое удивительное то, что они до сих пор ни разу не привлекли к их дешифровке своих шумерологов и ассириологов, вышедших из мощной школы Франсуа Тюро-Данжена.

Впрочем, это неудивительно, ибо я сам 30 лет назад, уже сложившийся ученый-шумеролог, просматривая корпус А. Леруа-Гурана, ничего знакомого для себя не находил. И даже не предполагал, что палеолитическая письменность когда-нибудь, в ближайшем будущем, будет прочитана.

И вот теперь, уже подготовив к печати данный том книги «Каменная Могила», вновь перелистывая громоздкий корпус А. Леруа-Гурана, я с удивлением обнаружил, что уже *читаю* отдельные панно франко-кантабрийских пещер. Читаю и понимаю, как целые панно (например, Арси-сюр-Кюр, Лас Монедас), так и отдельные их части (Ляско, Виллар, Пэр-Нон-Пэр, Трех Братьев, Мас-д-Азиль и др.).

Арси-сюр-Кюр

На берегу реки Кюр, притока Йонны, в Бургундии, между современными поселениями Арси-сюр-Кюр и Сен-Море (к северу от Аваллона), по обе стороны извива реки Кюр расположено более двух десятков гротов и пещер, с начала века усердно изучаемых археологами. На левом берегу реки, сразу же после Большого Грота, расположены Грот Лошади, затем — Гроты Гиены, Трилобитов, Медведя, Северного Оленя, Бизона, Волка и Льва, потом следует еще одна группа из шести гротов, далее на извиве — «карьер саркофагов» и т. п. Самые длинные гроты — это Грот Лошади, в котором находится галерея гравированных рисунков XXXV тыс. до н. э., и Грот Трилобитов (расположенный между ними мустьерский Грот Гиены — небольшой)⁵⁹. На панно Грота Лошади я и обратил внимание летом 1997 г.

В июне, добившись с большим трудом присылки в 3-й зал Российской Государственной библиотеки корпуса А. Леруа-Турана (из-за громоздкости его туда сейчас не присылают), я вдруг прочитал на с. 298 (рис. 151) под № 3 (табл. 141) tar-gal 'великий судья' — титул бога Ишкура из панно № 10 Каменной Могилы. И естественно, догадался, что черточки изображения справа от него, № 2, — это прото-знак ŠE (конечно, еще не 'зерно', но уже его прототип), а слева от tar-gal — протознак TIR. Получалось: tar-gal ŠE.TIR 'великий судья (богини) Ашнан'.

И мне ничего не оставалось, как предположить, что знак под № 4 (слева от TIR) представляет собой идеограмму IM, бога Ишкура. В таком случае, где же находилась всегда ему сопутствующая синтагма mu-gi 'Праведные годы'? Сначала она угадывалась вверху, слева от № 7: mu — в виде волнистой линии (типа bar) и gi — сложный узел Инанны. В дальнейшем этот gi дважды повторялся под № 20 (в синтагме ²¹á₂^(?)-²⁰gi 'любит') и под № 11 (¹¹šeš-ki-uš-gi ¹²dumu nin-a-zu⁹gibil).

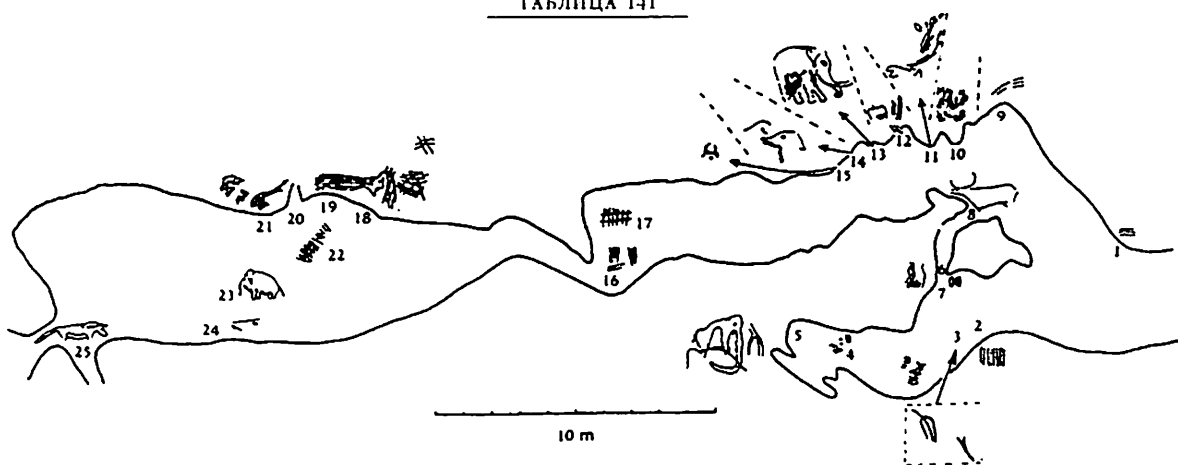
Таким образом, mu-gi, как и tar-gal, определялось довольно четко. Справа от № 7 (mu-gi) под знаком № 6 находились какие-то цифры: продольная палочка и полумесяц (|), типа шумерского 600, которые имели отношение к 'Праведным годам' (что не сохранилось на панно Каменной Могилы и отразилось в числе 690 на табличке PI-32).

Далее кверху, под № 8, виделась имагограмма áb₂ 'корова' и справа от нее, под № 1, 'Тридцатка (30)' бога Сина. Получалась известная синтагма: áb₂-^{<d>}sin 'корова Сина'⁶⁰, отсутствовавшая на панно № 10 Каменной Могилы.

В результате всю синтагму внизу (справа) панно пещеры Арси-сюр-Кюр я читал так:

⁴im ³tar-gal ²še-tir// ⁶600 ⁷mu-gi ⁸áb₂-¹sin

ТАБЛИЦА 141



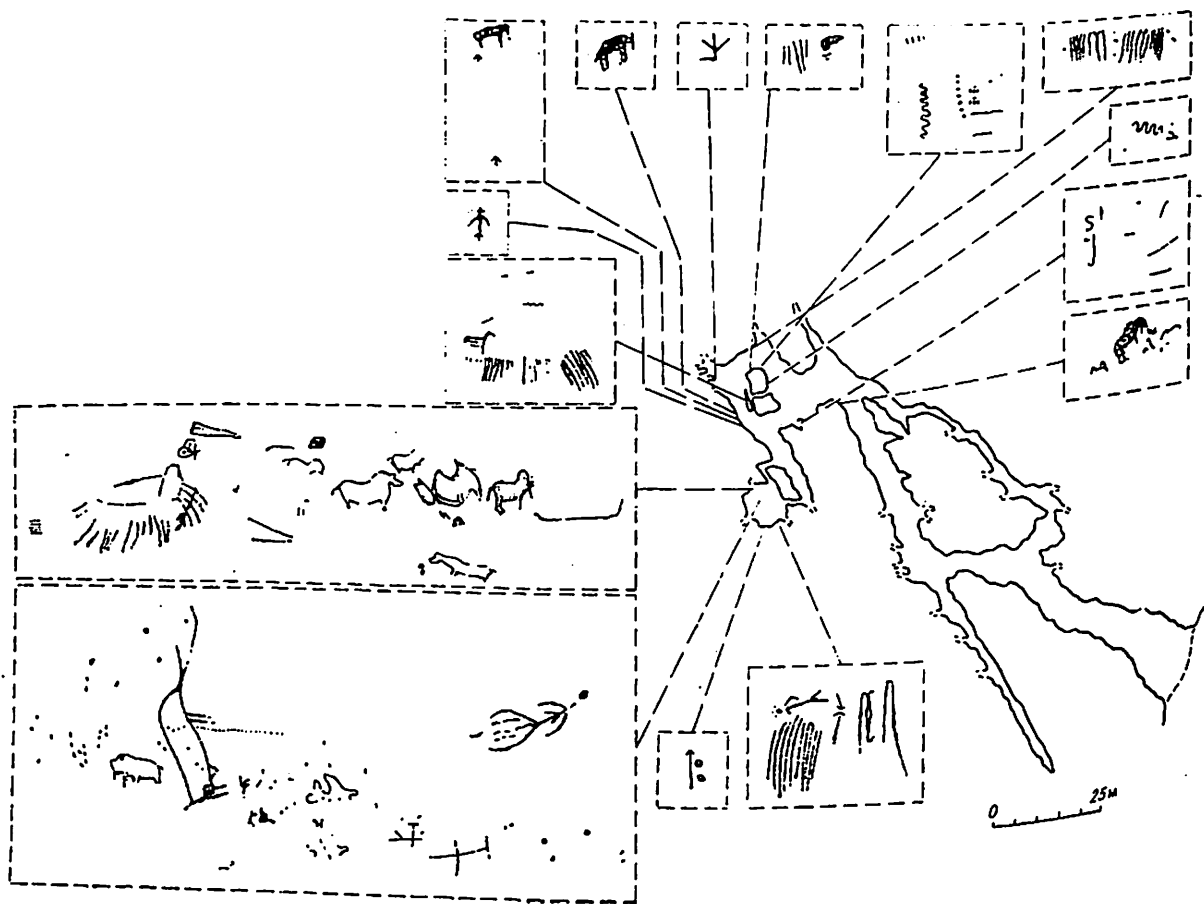
Грот Лошади Арси-сюр-Кюр. Расположение знаков и рисунков

⁴Ишкур — ³великий судья ²(богини) Ашнан// ⁶600 (лет) ⁷(в) Праведные годы ⁸(вместе с) Коровой ¹Сина (там находился)'.
 Оставалась непрочитанной имагограмма под № 5 слева, в тупике пещеры, в которой знакомым для меня был только знак kud 'судить'. И несмотря на «мамонтовидное» изображение имагограммы № 5, я все же нашел в себе смелость отсечь от нее «хобот» и прочитывать его как знак balag 'лира'. «Мамонты» «трубят» своими «хоботами», и сравнение этого изображения с знаком balag я нашел закономерным. Теперь у меня «бесхоботный» «мамонт» стал удивительно похож на медведя (az). И вспомнилось, что на «черном панно» Дальнего зала Игнатиевской пещеры на Южном Урале синтагма AZ-balag-bar 'Медведь (с) Лирой судит' приравнивалась к gud x si dirig 'мамонту огромному', в то время как его противник на «красном панно»: im tar-gal 'великий судья Ишкур' — к 'мамонту-быку' (gud x si KAL) или 'могучему мамонту'⁶¹ (табл. 142).

На панно Арси-сюр-Кюр идея противопоставления мамонтов нашла соответствие в форме 'Медведь с Лирой' — 'Корова Сина'. Так своеобразно прочитывалась на панно Арси-сюр-Кюр под № 5 синтагма панно № 29 Каменной Могилы: AZ x balag kud 'Медведь (с) Лирой судит'. При этом, как и в Арси-сюр-Кюр (№ 5 и № 1–8), так и на Каменной Могиле (панно № 10 и № 29 и надпись № 7 Грота Быка), обе надписи объединялись в единое ритуальное целое, и очень прочно.

Конечно, можно было бы и дальше в таком духе продолжать дешифровку всех имагограмм (№ 9–25) в Арси-сюр-Кюр, однако, посмотрев на исключительную древность надписей в Гроте Лошади пещеры Арси-сюр-Кюр (все же 35 тысяч лет до н. э.), я не осмелил-

ТАБЛИЦА 142



Игнatieвская пещера. Расположение знаков и рисунков (по В. Т. Петрину)

ся продолжать подобное чтение панно этого грота, не имея пока более прочных сравнительных данных⁶².

Завершая на этом дешифровку панно пещеры Арси-сюр-Кюр, обращаю внимание еще на одну особенность противостояния Ишкура и 'Медведя' (AZ). Великий судья Ишкур в обряде был связан с 'Коровой Сина'. А бог Син (= 30), как мы знаем из панно № 7 Каменной Могилы (и бесчисленных подобных параллелей в азийскую и последующие эпохи Франции), — 'завязывал семя' человеку, правителю или богу точно так же, как в одной из глосс при имени Ибаза ('Тела Медведя'), одного из правителей II династии (на панно № 25/в), это делал 'Медведь' (AZ a-rab la). Получается, что Син и 'Медведь', по ритуалу, — это одно и то же лицо: 'Медведь' был когда-то лунным божеством (Синем, Ламги и т. п.).

Между прочим, в надписи № 5 Грота Быка Каменной Могилы — вместо обычного, возвращаемого из преисподней 'en-zu' появляется его замена: AZ 'Медведь'. 'Медведь' — будущий правитель Кеша.

Грот Мон Пиво № 1

Среди панно так называемого Грота Мон Пиво (№ 1) (табл. 142), расположенного между Фонтенбло и Бюно-Боннево, в сводке петроглифов Ж. Тассе⁶³, одновременных с основными панно Каменной Могилы (по почерку их нельзя отличить друг от друга), я прочитал копию вышеразобранного панно Арси-сюр-Кюр (несмотря на разрыв времени между ними в 25 тысячелетий). На «копии» Грота Мон Пиво я сначала выделил из мерезива слитограмм знак *tu* (очень близкий к подобному знаку на панно № 25/а Каменной Могилы) и знак *gi* справа от него, а между ними — идеограмму *im* (скорее угадал, чем прочитал). Слева от *tu* вдруг прочиталось еще одно *gi*, очень похожее на предыдущее *gi* (слева) и не вписывающееся в «канон», известный мне.

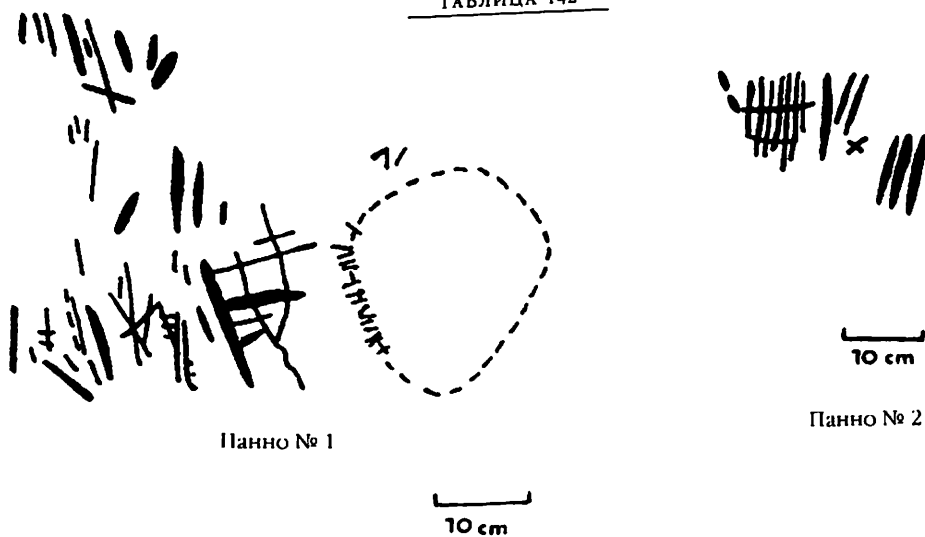
Знаки *še* и *tir* определились мною справа от первого *gi*. Далее, еще правее, был виден знак *kud* или *tar*. Знак *gal* определялся под знаком *tir*.

Получалась синтагма: *gi tu-gi im še-tir tar-gal* '(В) Тростнике (в) Праведные годы Ишкур — судья Ашнан'.

Но на этом панно оставались еще не прочитанные знаки. Под идеограммой *tu* я все же определил знак *zi*, и тогда начало синтагмы звучало: *gi-zi tu-gi...* '(В Тростнике) Гизи (в) Праведные годы...'

Далее, под знаком *kud/tar*, справа от *gal* читался знак *rab* 'правитель', перечеркнутый знаком *kud/tar* и справа от слитограммы *tar x rab* в шестерке прямых линий (6 *dili*) я все же определил второй

ТАБЛИЦА 142



Панно № 1

Панно № 2

ТАБЛИЦА 143



Грот Мон Пиво № 1. ПАННО № 3

знак gal (очень похожий на первый gal) и получил завершение синтагмы: rab-gal 'великий правитель/предок'.

Вся синтагма панно № 3 Мон Пиво прочитывалась так:

gi-zi mu-gi im še-tir tar-gal rab-gal

'(В) Гизи (в) Праведные годы Ишкур (был) великим судьей (и) великим правителем (богини) Ашнан'.

О том, что Ашнан посылала 'великого человека' в Гизи, мы знаем из надписей Каменной Могилы⁶⁴. Здесь эта информация хранилась в более компактном виде на панно № 3. Глоссы между tir и tar (ud-PA-tuš-tuš-rab-a-lal 'Солнце (под) Крылом постоянно селится, (чтобы) правителям семя завязывать') — определяют неизвестную нам корректуру ритуала.

На панно № 2 Грота Мон Пиво № 1 прочитывалась (в перевернутом виде) другая синтагма: sin (= 30) rab a-diš gána, dur₃⁶⁵ 'Син правителям воду первичную (на) поля пролил', — которая в таком виде не проявлялась на Каменной Могиле. Там Син 'завязывал воду', а проливали ее на поля Думузи или утуги.

Лас Монедаc

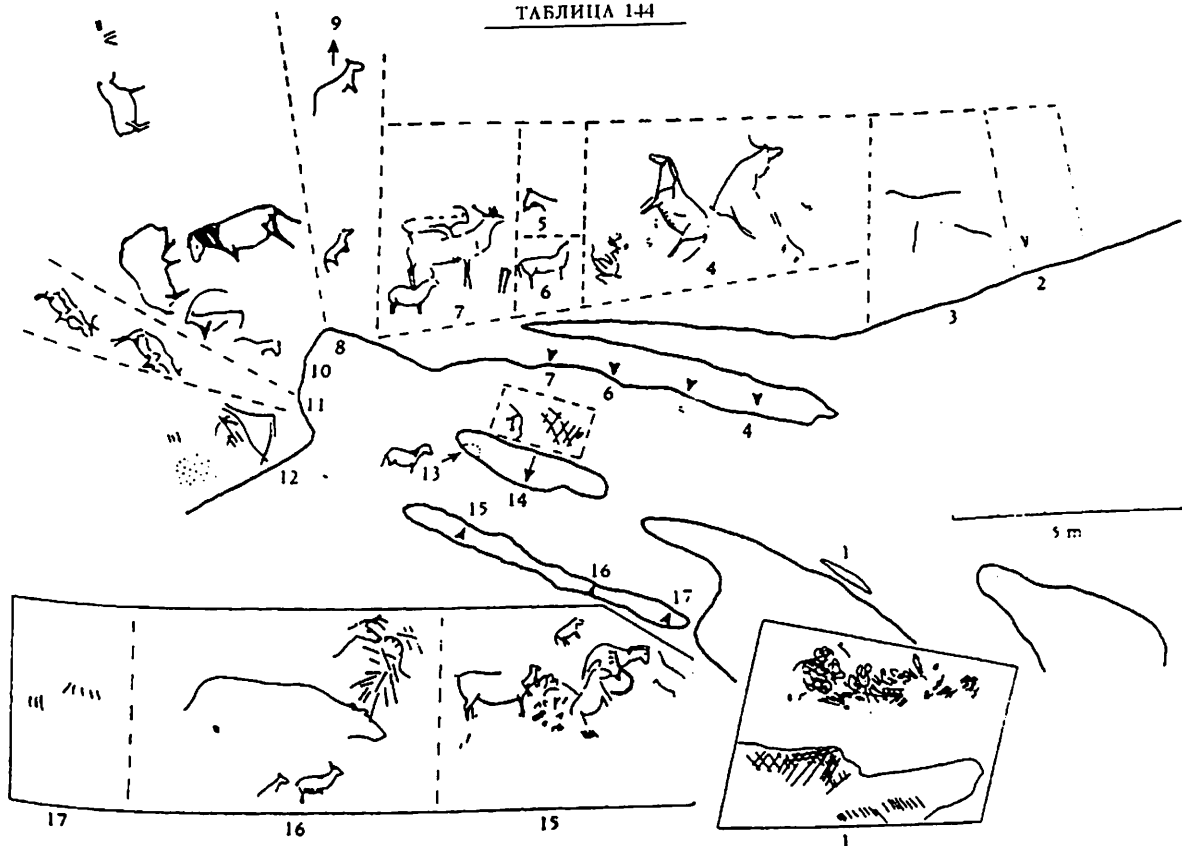
На с. 316 корпуса А. Леруа-Гурана я стал считать панно имагограмм пещеры Лас Монедаc⁶⁶, расположенной рядом с Альтамирой в Испании (табл. 144), — близкое по содержанию к известным мне надписям на костях мамонта из Мёзина и соответственно панно № 7 Каменной Могилы:

ʼ3 + 5 ʼen-líl, ʼim mar-gi, ʼmar-zi ʼ14 gána₂-zi še x tir dumu-zi sikil(?)
 ʼ1(На) 8-м (году) ʼЭнлила ʼИшкур (от) червей вернул, ʼ(от) марзи (Червей Душ), ʼ(когда) 14 (раз) (эти) Поля Душ (для Ашнан) Думузи очистил(?)ʼ.

Как и в Арси-сюр-Кюр, легко прочитывался *низ* надписей в Лас Монедаcе, в то время как *верх* (№ 2–12) еще ждет своего прочтения⁶⁷.

Однако поражает не это, еще не прочитанное, а другое: как могли с побережья Бискайского залива в то далекое время (XIV–XII тыс. до н. э.) кантабрийские надписи попасть сначала в Мёзин, а потом на панно Каменной Могилы? Что, уже тогда, в XIII тыс. до н. э., существовал «путь из варяг в греки»?

ТАБЛИЦА 144



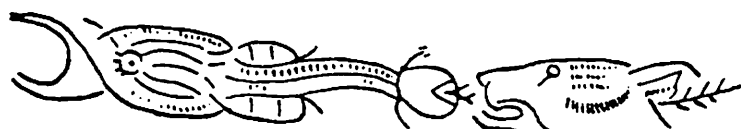
Пещера Лас Монедаc. Расположение знаков и рисунков (по А. Леруа-Гурану)

Фрагменты других надписей

Из зарисовок на лампах-светильниках пещеры Ла Мадлен I легко считывается синтагма имагограмм (табл. 145): šeš.ki-uš-gi, 'Наннар, муж возвращающийся'⁶⁸, имя четвертого сына Энлиля, которое шумерологами до сих пор не прочитывалось из-за лакуны в поэме «Энлиль и Нинлиль»⁶⁹ и знак которого uš 'половой член' послужил для А. Леруа-Турана (наравне с женским sal) водоразделом в его знаковой классификации⁷⁰.

Прочтение синтагмы вокруг anše 'осел': 4 mar-zi a-gi '4 (раза) марзи воду направляли' — в пещере Ляско⁷¹, синтагмы kin-máš₂ 'оракул Козленка (Инанны)' в пещере Виллар (Дордонь)⁷², постоянных синтагм типа: a-lal ug₆-dili (A), lal-ug₆ ti-dili-gi (D) и lal-ug₆-ti (E) 'семья завязанное (у) мертвого человека' (A), 'завязанный мертвец жизнь человеку направляет' (D) и 'завязанный мертвец будет жить' (E) — в пещере Трех Братьев (Тюк-д-Одубер)⁷³, имени Сухуршабгала (*suhur-šáb₂-¹⁸gal) в пещере Мас-д-Азиль или имени Сухуршабгала в более поздний период⁷⁴, — все это открывает для нас широкие перспективы возможностей дальнейшей дешифровки панно франко-кантабрийского региона.

ТАБЛИЦА 145



H

La Madeleine I



i

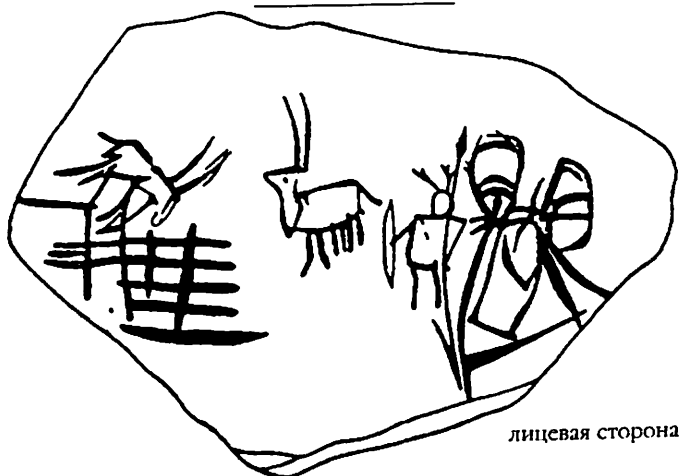
Massat

Пещера Ла Мадлен I. Надписи на светильниках

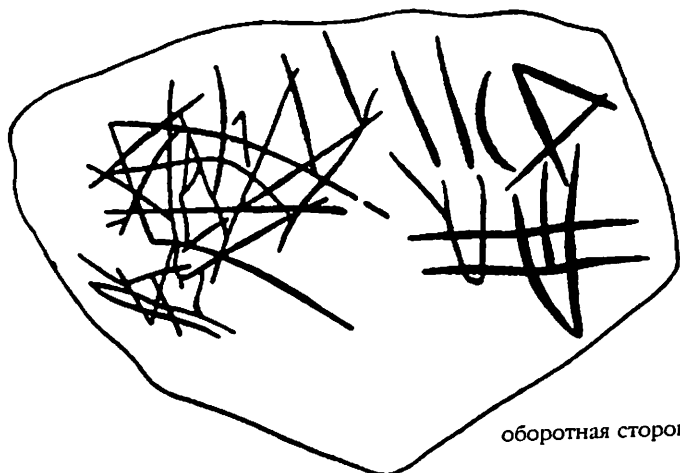
Расписная лопатка мамонта из Молодова I на Днестре

Стоянка Молодова I, в которой было найдено мустьерское жилище из костей мамонта, приобрела мировую известность. Она раскапывалась в 1955–1963 гг., но после того как памятнику стало угрожать затопление водой при строительстве на Днестре Могилёв-Подольской ГЭС, раскопки были продолжены в 1974–1976 гг. Они проводились под руководством А. П. Черныша, которому посчастливилось в 1976 г. найти во втором мустьерском слое на глубине 9 м от поверхности лопатку мамонта (50 x 34 см), лежавшую гребнем вверх, горизонтально. Она вошла в историю как уникальный памятник мустьерского искусства. Этот факт был немаловажен, поскольку существовало мнение, что искусство появилось лишь в позднем палеолите⁷⁵. Приведем описание вещи автором.

ТАБЛИЦА 146

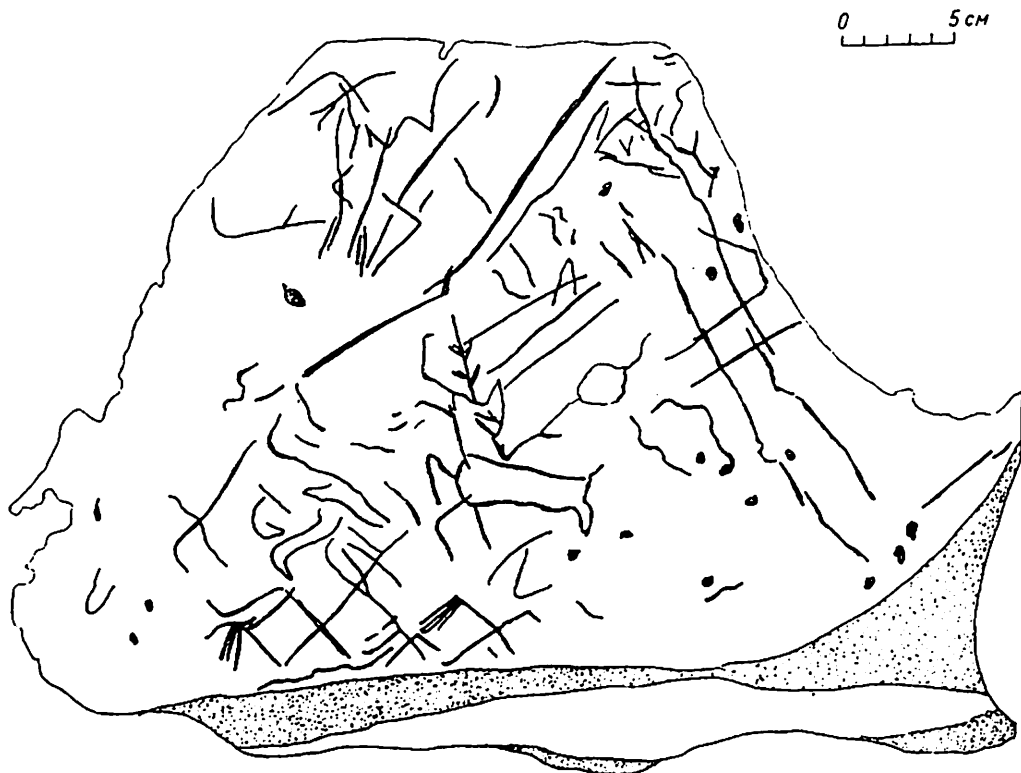


лицевая сторона



оборотная сторона

ТАБЛИЦА 147



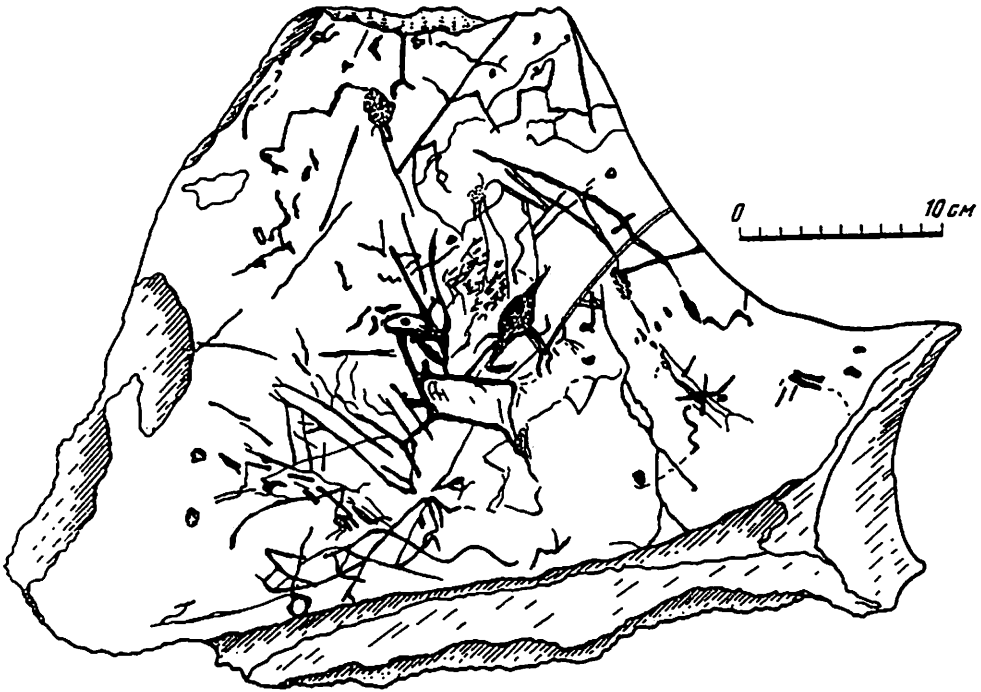
Молодова I. Знаки на кости мамонта (по А. П. Чернышу, 1978)

«На поверхности этой лопатки, имевшей светлый желто-коричневый цвет, наблюдались мелкие насечки, следы выгравированных параллельных, зигзагообразных и волнистых линий, следы углов и елочек, треугольников, ромбов и квадратов, а также разнообразные углубления большего или меньшего размера. В центре можно было проследить не очень четкую фигуру оленя (или лося?) и возле него углубление — знак женского пола? Кроме разнообразных линий и фигур, на поверхности лопатки можно было видеть следы линий и зигзагов, нарисованных черной краской. Таким образом, можно предположить, что здесь прослежены черты древнейшей живописи.

По характеру расположения выгравированных линий можно заключить, что на лопатке изображена сцена охоты. Таким образом, кроме утилитарного назначения (наковальня?) этот предмет являлся также и предметом искусства, отразившим возникающие в то время эстетические представления, а также, возможно, различные церемонии, связанные с охотничьей магией»⁷⁶.

К сожалению, в двух изданиях этого памятника не указано место его хранения и, кроме того, в статье 1978 г.⁷⁷ (табл. 147) прорись

ТАБЛИЦА 148



Молодова I. Знаки на кости мамонта (по А. П. Чернышу, 1982)

изображения значительно отличается от опубликованной в книге 1982 г.⁷⁸ (табл. 148), что не было никак прокомментировано автором. Не исключая прочтения сцены как изобразительной, протохудожественной, я вместе с тем допускаю возможность, что на лопатке представлен пиктографический текст.

Любопытно, что изображение на нем козы (UZUD) в чем-то близко рисунку Каменной Могилы (табличка № 62 из Грота Козы)⁷⁹ (табл. 146). Надпись, нанесенная черной краской, древнейшая из всех известных мне ныне (второй слой мустье, ок. 42 тыс. до н. э.). Если это действительно надпись, тогда нужно допустить, что пиктографическую письменность имели уже неандертальцы.

Естественно, сейчас невозможно решить такую проблему. При анализе ностратической лексики известными лингвистами В. М. Илличем-Свитычем⁸⁰ и А. Долгопольским⁸¹ выяснилось, что к эпохе XXX–XII тыс. до н. э. могут быть отнесены около одной тысячи употребительных корнеслов, из которых, по крайней мере, восемь, очень сложных по семантике, возможно, имели доностратическое (то есть эпохи мустье, неандертальское) происхождение⁸².

Можно ли допустить, что лопатка с надписью случайно оказалась в столь древнем слое? Не могла ли она принадлежать второму слою, двухметровой толщины, Молодовы I (поздний палеолит, XII–X тыс. до н. э.), но попасть значительно глубже, в мустьерский слой, путем опущения ее в ритуальную яму типа шумерских абзу или греческих ботросов? Перед опущением на ней и могли нанести «посвящение» в виде имени родового тотема-покровителя (UZUD). Архаичный образ Козы — тотема, затем божества — сохранился у шумеров-вавилонян (^dUZUD)⁸³ и греков (критская Амалфея, кормилица Зевса, и ее «рог изобилия»⁸⁴; коза-кормилица сыновей Аполлона и критянки Акакаллис в Дельфах⁸⁵ и т. д.).

Подобным предположением мне не хотелось бы отрицать великих достижений человека эпохи мустье и возможности возникновения уже тогда пиктографической письменности. Археологи уже признали мустье как эпоху создания сложного погребального ритуала⁸⁶. Не исключено, что словесный эквивалент ритуальных действий выражался уже тогда в образных знаках.

**Раннешумерский текст таблички PI-73
из Джемдет-Насра (Южная Месопотамия)**

В заключение вернемся в Месопотамию, где имеется целый ряд до сих пор не понятых древних текстов, в которых предположительно можно видеть отражение протошумерских ритуалов. Приведем два наиболее значительных. Один из них — табличка из Джемдет-Насра PI-73 — «копия» какого-то протошумерского оригинала. Содержание ее столь значительно, что привожу свои транскрипцию и перевод целиком:

Лицевая сторона (obv.): (I-II) 'máš₂-sag 1 sal-kur mušen-líl, 'ŠA nin, 'sal-kur-ni-dib-3 'máš₂-sag 4 nin, 'šš₃-kug dumu-sal '1 máš₂ sag mušen-líl, 'ŠA si-en-na gin-na '1 máš₂-sag kur-mušen-líl, 'ŠA 10 udu 1 anše kur ama-mušen-a '1 máš₂-sag kisal-gi(n) mušen-líl, 'ŠA šu-ni sag-a sá₂-dím, (III) '... anše-kur-ra '1 sal-kur EN.LÍL₂-ti '1 sal-kur EN.LÍL₂ bar-ti '1 sal-kur EN.LÍL₂ bar-ti '1 sal-kur SADIM^{dím} máš₂-sag (IV) 'sal-kur sal-kur-ga 'si-en-na-gi(n) suḥur-ku, 'men-nin, 'dumu-eden šu-ba 3-a 'lú₂-a

Оборотная сторона (rev.): (I) 'máš₂-sag 2 sal-kur-ni 'giš- bar-è, 'sal 1 kur nu-sal-ni 'giš-bar-è, an-gar mušen-sal- 'ŠA '1 kur nu-sal en-šíta, ama-mušen-a ki-sal-gi(n) '1 sal-kur en-šíta, tuš-a 3600 '1 sal-kur en-šíta, sa-zu uru-mú, '1 kur máš₂-sag sa-tún, 'lú₂ é₂-sal (II) '1 sal-kur šab-gal tuš-a 'BAR uru uš-dib-a '1... 'mu 'š-ni gúg₂ 'máš₂-sag 1 sal-dib... 1 sal-kur é₂-líl₂-šub kúš₂-šu šub gub máš₂-sag-a '1 sal-kur šu-šub máš₂-sag tur, é₂-kur-kur-ḥád, lú₂-ni šu- 'ŠA '1 sal-kur uru-na suḥur- 'ŠA sal-kur- 'ŠA 'men-nunuz é₂-mu-mu

Лицевая сторона: (I-II) ¹Первейшая — 1 жрица (= женщина горы) Птица-ветер (бога) Усму — сестра (это), ²ее жрица схватила Трех ³(из) Четырех первейших сестер святилища Серебра, (как) дочь (ее). ⁴(Еще) одна первейшая Птица-ветер (бога) Усму — идущая в Сиэнну (= насыпь Рога Владыки). ⁵(И еще) одна первейшая — (это) Гора Птицы-ветра (бога) Усму — ей положено 10 овец (и) 1 лошадь — ибо Мать Птицы (это). ⁶(И еще) одна первейшая — (это) Кисаль — идущая, Птица-ветер (бога) Усму (и) власть ее (во) главе (их), суд творит она, как кузнец, (III) ⁷ей положена 1 лошадь. ⁸Одна жрица — «Энлилю жизнь», ⁹(еще) одна жрица — «Энлилю полжизни», ¹⁰(и еще) одна жрица — «Энлилю полжизни», ¹¹(и наконец), одна жрица-кузнец (среди) первейших, — (IV) ¹²(это) жрицы «Груды (Холма)», ¹³идущие в Сиэнну (во времена) Рыбы Карпа. ¹⁴Корона сестер ¹⁵(в) руках троих ¹⁶мужей — ¹⁷Детей Степи'.

Оборотная сторона: (I) ¹(Из) первейших — две жрицы его, (бога) Гишбарэ², (а) женщина одна Горы — не женщина его, (бога) Гишбарэ, (а) Аном учрежденная Птице-женщина (бога) Усму, ³(и) одна гора — (тоже) не женщина (его), (а) Эншита, (от) Матери-птицы (к) Кисаль идущая. ⁴(Еще) одна жрица — (это) Эншита, поселив-

шаяся (среди) 3600 (жителей), ⁵(и еще) одна жрица — (это) Эншита, знающая сеть (и) растящая город. ⁶(А) одна гора (среди) первейших: Сеть (и) Топор — ⁷(это) муж Дома Женщин. (II) ¹(Кроме того,) одна жрица — (это) купец, поселенный² вне (Города), хватающий мужчин, ⁴(и) одна [жрица?] — ⁵имя ее тигрица, ⁶(тоже) первейшая, одну женщину... схватившая... (и) одна жрица, основавшая (среди) первейших имущество Элиля (= храм ветров) (и) имущество Кушу (Крокодила), ⁷(кроме того,) одна жрица имущества Власти принесла (к) первейшим: (в) (храме) Белой Горы — Экуре — муж ее, (это) власть Усму. ⁸(И еще) одна жрица (в) городе каменном (протолюдей?) — Карпа Усму, (как и сама) жрица (бога) Усму — ⁹(несущие) две короны яиц (в) храм имен⁸⁷.

Кроме Гишбарэ и Кисаль, в этом тексте проявляются многие лица «зарубежья» (очевидно, на запад от реки Идигны = Южного Буга): Мать Птицы, какой-то г. Сиэнна, откуда жрицы ходили к Кисаль (оба кеннинг-написания, ki-sal и kisal, относятся к типу, известному в Шумере: du-gud и dugud, an-še и anše etc.). Если по «эту» сторону, в 'Степи', создавался en-líl₂ (на месте Гильгамеша в табличке Р. Биггса 2N-T25), то по «ту» сторону — en-šita₂ 'в городе' (на месте бога Нингирсу той же таблички). Многие персонажи этого западного «зарубежья» встречаются в дунайской письменности VI-IV тыс. до н. э. (ср. ŠA = Усму, будущий визирь бога Энки; мен 'корона', an-máš₂-sag 'первейшая') и т. п.⁸⁸

К сожалению, протошумерский вариант такого текста на Каменной Могиле пока не обнаружен.

**Раннешумерский текст таблички TSS-46
из Шуруппака («Победная песнь» сангу Акаламдуга)**

Табличка из Шуруппака⁸⁹ (XXVI в. до н. э.) возможно, передает оригинал более древнего времени. Она отражает столь архаичную эпоху ее написания, что мы осмелились привести ее транскрипцию и перевод в данном месте.

TSS-46. Obv. (I): 'gír₁-(a) 'hur-an-am-si 'tud-dè₂, 'gud-a 'az-a 'unu₁-dù₂] (II) 'udu áš₂-dib 'dara '[h]uš + [ní₂]giš-me 'ur-sal-huš 'inim-⁷sa₁-⁸im (III) 'ašgab 'šag₁-gír₁, 'huš-zi 'lú₂-[...] (IV) 'ašgab₂ [má₂]-gur₈ 'im (V) 'engar 'ur-[ad-da] 'kud-da 'sag-ga 'dumu-zi šul 'a šul-li 'hun-bur 'gu-arara (VI) 'gílím₂-máš₂ 'dig-keš(da) 'nam-gi-zi 'nam-huš 'nam-PA-sir sikil 'nam-sag-dib 'mes-kur 'má₂-dar 'má₂-zu-zu 'du₁-li-zi 'lahar 'lu + suhur + ig 'gír₁-URÍ₂ 'gin-na 'nam-sahar 'nam-šag₁ 'nam-lú₂, 'nam-im-dugud (VII) 'na₁-[nu]n⁷-dùg₂, 'gi-muš₃ 'gír₁-muš₃ 'mar 'gur₉ + keš(da) 'a-bir₇, 'ma-gír₁, 'nimgir 'še-mes 'muš-ka-kú₂, 'nam-ka 'du-du na-tar 'muš hē₂-sig₁, 'an-še hē₂-sig₁, hē₂-a 'ma-zi-zi 'hur-dib 'hur-sag 'hur-dib

Rev. (VIII) '[n]am-bil-bil-a 'balag kaš₁-bil-a 'muš in-nu ma-dib 'ma-nagal 'balag-ušum 'nam-gír₁, 'ganam-še-kú₂, '[l]ú₂-a-kú₂, 'sag ú₂-kin 'nam mu-gub 'i-zi ziggull 'sangu a-kalam-dùg₂, ur-sag-kisal é₂-na-húb₂-ba 'sangu 'en-líl₂-ukkin 'sangu lugal-im-kúr₂-su-ka (IX) 'a-[x]-lal 'sangu ur-en-líl₂, la-gá₂ [...]

Лицевая сторона: ¹(I) Лев ²(по) замыслу Ану, Мамонтом ³рожденный, ⁴(а также) семя Быка (и) ⁵семя Медведя, ⁶[в святилище со-зданные], — (II) ³у[жас]ным ²Козерогом ⁴(в) [ужасе] Древа предопределения ¹овца проклятием схвачена (это). ⁶Словом ⁷названный ⁸(в) тучах небес (или: Ишкуром (для) Ану) ⁵потомок Страшной Женщины. (III) (И поскольку) ³ужас (в) душе ⁴(и) [душа] мужа ⁵[страшна], ¹(то) кожевник ²вульву связал. (IV) ¹(Поэтому) кожевник (сам их души (на) [ладью] грузит (для) Ишкура [на небесах — по каналу Пасирра]. (V) ³(А) осужденный ⁴по голове ²(в) потомке — ¹земледелец — (это) ⁸нить проклятия, ⁷(это) Хумун (в) колодце — ⁶(в) семени Вепря, ⁵(такое) Дитя души (=Думузи) Вепря. (VI) (Поэтому) ¹змеекоза ²(этих) малых вяжет, ³тех, что (из) Гизи, ⁴тех, что (в) ужасе⁵, тех, что очищены (в канале) Длинная Ветвь, ⁶(и) тех, кто схвачен (за) голову; ⁷(а) витязь Горы ⁸(на) ладье Козерога, ⁹ладье знания, познает ¹⁰(у) холма Песни Душ, ¹³(где) путем (в) Ур ¹⁴идущая ¹¹Овцематка, ¹²кладёт (семя) Карпа: ¹⁵тех, что (из) праха, ¹⁶тех, что (в) вульве, ¹⁷тех, кто (станет) мужами (и) ¹⁸(тех, кто из потомков) Имдугуда. (VII) ³Путем Змеи: ⁴Червь, ⁵(в) хранилище ⁶воду засветивший, ⁷яблоню связал, ¹камнем Благой [цари]цы ²(в) тростнике Змеи — ¹¹«всем, что (во) рту», ¹²перволюдей судит Постоянно идущий (то есть Ану) — ⁸глашатай, ¹⁰по-едающий ртом Змеи ⁹зерно витязя (Горы): (и который кричит): ¹³«Змеем я воистину кричу!» ¹⁴«Ослон (= зерном Ану) я воистину, во-истину кричу!» ¹⁵(И) яблоня душ ¹⁶(по) замыслу (Ану) схвачена, ¹⁷гор-ная вершина ¹⁸по замыслу (Ану) схвачена.

Оборотная сторона: (VIII) ¹Вот новос (или: горит в огне), ²Лири странствий новая (= в огне), — ³(это) Змея стражем схвачена (на) яблоне, ⁴(а) яблоня перволюдей (=камни) возвеличила. ⁵(Что касается) Лиры Дракона, ⁶той, что (принадлежит) Пути. ⁷(где) Овцематка зерно подала, ⁸семя мужа съдала, — ⁹она (по) головам (и) жребию травы ¹⁰(в) судьбе имя учреждала (и) ¹¹(в) огне его укрепляла.

Далее приводится список пяти первосвященников — *sangu*.

«Стела Скорпиона» Белушалима — переоформление неизвестного протошумерского первоисточника

Определить столь широкий диапазон развития протошумерской ритуальной мысли, по крайней мере, с XII тыс. до н. э. до глубин бытования уже шумеризма, начала II тыс. до н. э., сгладившего эти ритуальные идеи, — довольно сложно. Существует «Эпос об Ирре», по-видимому, происходящий из Эшнуны (ср. связь эпоса о прото-Эрре с серией *Utukku limnuti*, табл. XVI, ср. табл. III. 86–99). Его приписывают Кабти-илани-Мардуку из семейства Дабиби. Брат создателя эпоса, *Bel-ušalim* (тоже сын *Dabibi*), составил текст так называемой «Стелы Скорпиона» (*nâru gir₂-tab⁹⁰*), переоформившей архаический образ.

«Стела Скорпиона» мною переведена так (в протошумерском ключе):

1. 'Мертвая душа, подобная растениям (и) запаху, (в) земле попала (в) расщелину, —
2. Это Коза, она голову подняла.
3. (Это) Козленок, подобно Козе, двойное солнце над ней поднял, —
4. Подобно Водной Змее — язык свой высунула,
5. Подобно змее, возжигающей Землю, — Мертвая душа все разрушает,
6. Мертвая душа, которая ужасом (все) (в) камень превращала вместе (с) тобой,
7. (И тогда) подобно сосуду все там разбито, подобно огню, да будет охвачено демоном галлу!
8. Подобно огню, поднимающемуся по стеблям тростника, Ужасом (в) камень да превратится!
9. Подобно огню, (поднимающемуся на) пальму, ужасом в камень да превратится».
10. Такое заклинание богини Нинхабуркудды —
11. Заговор (*nam-šub*, букв. 'собственность Эриду'):
12. «Теперь Энки покой Абзу да освободит,
13. Глыбу соли в руки возьмет,
14. В (эту) собственность (Эриду) да бросит!
15. В каменные рты ее да положит!

16. Тогда, подобно Хумун(-Сару), пусть он выползет,
17. Подобное Разрушенной доле пусть (у) него будет вырезано,
18. Подобно буре из всего заговоренного пусть он выйдет!»
19. Таково заклинание святилища Кешаэннуру’.

Здесь П. Михаловский⁹⁰, автор первого перевода стелы, дал шумерский контекст, хотя в $b\grave{a}d_3$ -AB x $g\acute{a}d$ или $u\check{s}_{11}$ - $z\acute{e}_2$ была скрыта ‘Мертвая душа в яде’ — ритуальная формула из ‘Утукку лемнути’. AB x $g\acute{a}d$, формально ‘море из льна’ или ‘Мертвая душа’, а $\check{s}\acute{u}_2$ x AB, $\check{s}\acute{a}r_2$ x $g\acute{a}d\ a^{en.nu.ru}$ ‘святилище Кеша’. Ср. фразу ‘Энлилль завладел Лесом Морской Бездны Кеша’ на тулове сосуда из Ярым-тепе II. Очевидно, тогда Энлилль провалился в расщелину ($ki-in-dar-a = ni\check{g}i\check{s}\check{s}u$) земли, откуда потом вывел ‘семя человечества’. Нинхабуркудда (или Нингирим, Нинилдума) — это образ Нидабы, заменившей в ‘Тамариске’ ($g\acute{a}d$) ‘лен’ на ‘зерно’ ($\check{s}e$). Она еще имеет титул ‘Внешняя Царица (преисподней) с пестрым зерном’ ($^d\acute{n}un-bar-\check{s}e-gu\acute{n}u$) и сопоставима с матерью Нинлилль, то есть нашей Кисаль.

Протошумерская традиция «нартов» и «дареджанов» и становление «шумеризма» в Двуречье

В таком ключе (протошумерском, на уровне «буквализма») можно «перевести» всю шумеро-вавилонскую литературу и буквально вникнуть в общий ритуальный смысл протошумеризма и его столь широко распространившихся идей в тогдашней ойкумене.

Однако чтобы глубже понять дух «шумеризма», то есть месопотамской культуры III тыс. до н. э., и его отличие от духа «протошумеризма», с которым мы встречаемся на Каменной Могиле, необходимо обратиться к ряду дополнительных источников. Одним из них является нартский эпос кавказских народов⁹¹. В нем выделяется два разновременных слоя, более древний восточный, сохранившийся у южных осетин, и менее древний западный, дошедший в абхазской (а затем и адыгской) традиции. Если носителями позднего этапа куро-аракской культуры являлись протоэблаиты (то есть протоаккадцы в Шумере), то именно эти народы участвовали в создании восточного слоя нартского эпоса. Западный же сохранил в большей мере протошумерскую основу — то и другое может подтвердить анализ соответствующей ономастики. Аккадо-шумерские соответствия, характерные переходом или чередованием s/d, свойственны и южноосетинскому языку, ср.: šára₂// dára₂, ^dnisaba// ^dnidaba, Karsanov// Kardanov etc. Вероятно, южноосетинская героиня эпоса Suassa (Susana), наследница протошумерской богини, семантически идентична героине Satana западного ареала формирования эпоса. Она — полный мифоритуальный аналог греческой Афины (Athene, Ἀθηνᾶ, Ἀθῆναι). Воздействие древнейшего восточного ареала достигало тогда и области абхазов (ср. их пра-родительницу Жажу, образ которой сейчас выходит из небытия благодаря абхамам, населяющим Турцию). В дальнейшем западная богиня-мать Сатана (Сатаней) вытеснит своих древних тезок не только у себя на западе (Жажу), но и на востоке, где в развитии эпоса приходится выделять два этапа: до Сатаны/Сусаны и после нее.

Согласно эпосу, Сатана воспитывалась у карданов (карсанов) в роду Алагата (жрецов), обитавших тогда в районе нынешнего г. Гори. Ее сын Созырко (ср. аккад.: šarru-kênu 'истинный царь') локализуется в районе Мцхеты (близ Тбилиси), среди дареджанов — «младших сыновей» владык гор. Наличие «аккадских» изоглоссов южноосетинском эпосе (ср.: šára₂ = Ахсар, šára₂-tag = Ахсартаг, ^{na}šadanu (= ^{na}КА.gi.na) = Сатана, ^{kur}ú₂-zu-wa-ra-nu = Узырмаг? и т. д.) и полное их отсутствие в западном ареале дает возможность говорить об автохтонности «старших братьев». Они локализируются на территории Грузии, заселенной юго-осетинами (где, между прочим, и создалось ядро прото-куро-аракской культуры), — только там они могли войти в контакт с протоэблаитами, выделенными позже в куро-аракской культуре.

Первые поколения нартских героев, «железные» дети Суассы — Дзылау и Балатбарзай, — сражались с авсаронами-великанами и амазонками-поленицами в апшеронской стране Луане (ср. Дзы-Лау и Луа-на) протоэблаитов, в то время как третий «железорожденный» (ср: *maḡ-tu* 'рожденный от червя'), Бора, женившись на племяннице бога Солнца, Арвяхресурге, основал род Бората. Его потомки Уархаг и Уархтанаг отвоевали свои земли у царциатов (ср.: *zarza* = ^d*zar-PA-ni-tu*, жена бога Мардука в вавилонской традиции; в более древнем варианте: ^d*zar-sāg₃-zal-tu*), каким-то образом связанных со страной Луаной. Впоследствии они станут обитателями подземного царства (ср.: колодец (*ru₃*) *za-zal-tu* и связанное с ним дерево (*giš*)).

В результате произошла трансформация древней основы: Сатана стала воспитываться у жрецов района г. Гори, а внук Созырко — в сфере действия жрецов, обитавших близ Мцхеты. К западу от них, на реке Риони, тогда селились «младшие братья» нарттов — дареджаны Аруана/Ариона (ср. греч. Орион, хетт. *Ariḡna*). Позднее их возглавил Охкархой (= Уархтанаг) Кант из вайнахов («глава страны грузин»), боровшихся за власть с Созырко. Много столетий спустя протовайнахи (= лезгины) передали свое дареджанство (ср. хетт. *mašša*, шумер. *máš₃-da*, вавил. *muškenum* 'подчиненные') протомушкам (племени картли), пришедшим сюда, вероятно, из северо-восточной Турции. Протомушки, вытеснив потомков Созырко из области Мцхеты и передав восточную часть Грузии кахетинцам, своим сородичам, вместе с ними попытались возродить основы дареджанов (подобно тому, как шумеры, почитавшие бога Энки, — протошумерскую традицию Энлиля, а египтяне, почитавшие Гора, — протоегипетскую традицию 'четырёх лягушек': 4 *g.t.tjw_j* > 4 *Re*'). Результатом стал «Эпос об Амирани Дареджани», ритуально сводимый лишь к нескольким фабулам старого мифоритуала; кроме того, главные фигуры в нем приобрели полугротескную окраску, как, например, нарт Батрадз, превратившийся в трусливого Батри, и др.

Таким образом, в ответ на «походы» алагата Карсана/Кардана из района Гори в область Карса, где обитали протомушки, вытесненные из Икиз-тепе II (Синоп на реке Галис) прибывшими сюда 'из середины моря' (Аруны Залпы) протошумерами — протомушки оказались в Грузии (их представляли картли и кахетинцы). Сначала они вели себя мирно, как плененные Карсаном/Карданом, а затем воинственные мегрелы и сваны вытеснили отсюда вайнахов (остались лишь лезгины), а затем и абхазов и юго-осетин — к самому Кавказскому хребту. Часть осетин и вайнахи отступили на север Кавказского хребта, где осетины постепенно «обиранились», столкнувшись с носителями катакомбной и срубной культур, а позднее с киммерийцами и скифами. Там среди них и сложился — уже как эпос, а не мифоритуал — эпос нарттов и дареджан. У шумеров такие циклы поэм (а позднее и эпос) возникли вокруг новых богов (Энки) и героев (Гильгамеш, Этана).

Послесловие

Работа еще далеко не завершена — закончен лишь первый ее цикл. Тем не менее необходимо суммировать итоги дешифровки, какой она представлена здесь.

Проблем намечено значительно больше, чем разрешено. Это касается и самого главного — метода дешифровки. Я только приблизился к пониманию возможных истоков шумерских и вавилонских знаков в сфере фактически неизвестных символов. Возможно, мой путь вычленения знаков из сплошных взаимопереплетенных лигатур еще далеко не совершенен, но я уверен, что каменномогильские знаки — это письмо, и письмо протошумерское. Большой удачей в этом плане стали для меня тексты, где удалось обнаружить ряд идеограмм с протошумерскими грамматическими показателями — родительным, исходным и направительным падежами в именах в прошедшем и будущем времени в глаголах-основах.

Обнаруженные мной блоки-символы, тяготеющие к той или иной линии развития шумерограмм и прочитанные пока в целом, должны будут далее исследоваться индивидуально, в конкретном контексте, о котором пока еще рано говорить. Кроме того, эти блоки-символы в дальнейшем необходимо дифференцировать и прочитать детально, до конца, дешифровав глоссы (во всех возможных вариантах), вплетенные в лигатуру символа — как, например, в символах панно № 15/16 или символах-конъектурах Аимдугуда на панно № 25/в. Необходимо также полностью осмыслить ритуальную индивидуальность каждого знака-символа, ибо на панно Каменной Могилы практически нет двух одинаковых. Разночтение одних и тех же шумерограмм в текстах Урука IV и Джемдет-Насра несравненно проще, чем в этой удивительно сложной и на редкость архаической системе.

Несомненно, протописьменные знаки Каменной Могилы имели очень долгий путь развития. Пока древнейшие из них я отношу к XII–X тыс. до н. э. (Пещера Колдуна № 52, Грот № 51 и др.), самые поздние — к III тыс. до н. э., когда в Месопотамии процветала собственно шумерская культура с ее богатой письменностью и литературой. Силлабарий уже сейчас может дать почву для размышлений в направлении, каким образом формировались идеографические знаки в лоне иконографии, а затем и пиктографии. В чем смысл тех гроздьев-лигатур, в которых сливаются знаки, мне пока неясно. Конечно, они отражают определенные умонастроения эпохи и возникли совсем не случайно. Несомненно также, что знаковые поля на каменномогильских панно имеют строгие композиционные принципы, а вовсе не следуют бессистемной аморфности. Нами были

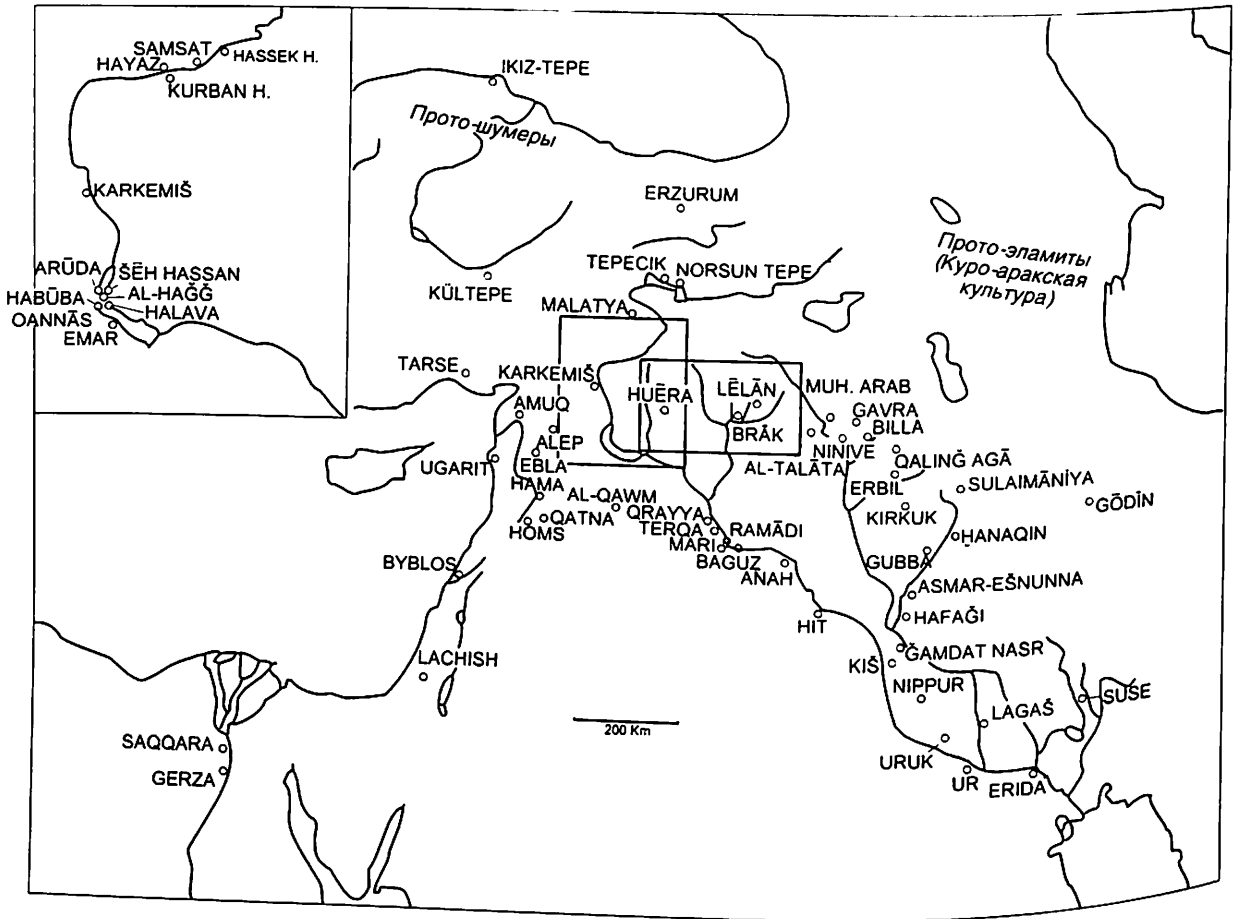
вычленены способы писания «змеевидными извидами», которые могут идти справа налево или же слева направо и, кроме того, отражаться в зеркальной симметрии. В этой связи процесс членения лигатур на части-знаки сопоставим с процессом дробления целого числа на части, что было связано в древности с ритуалом и даже магией исключительной силы (ср. Пифагор, Эмпедокл и др.).

Эти тексты, уже в силу их принадлежности столь древней эпохе, не могли иметь исключительно персональной направленности: они были связаны с проблемами мира-космоса, с его рождением и смертью-возрождением, которые чередовались циклически в великом «круге бытия», вовлекая в свой ритм и жизнь человека. В этом плане для меня осталось неясным, имел ли фон на ряде панно, изрытый лунками и ямками, только «числовой» контекст, или же он отражал какие-то небесные явления типа созвездий или участков звездного неба. Случайно возникший «пейзаж» на панно № 7 мог быть вполне осмыслен как сакральная топография мира, известного людям того времени.

Протошумерский курсив символограмм наблюдается на Каменной Могиле с XII по III тыс. до н. э. Среди памятников так называемого «макаронного письма», встреченного на Каменной Могиле (Гроты № 56–59), тоже постепенно проступает тот же протошумерский курсив. Не исключено, что древнеегипетское демотическое письмо — это отнюдь не «народная» форма фиксации записей, а архаичнейшее наследие протописьменной эпохи. Во всяком случае, сейчас мне представляется, что эту «демотику» можно будет прочесть в протошумерском ключе.

Однако на Каменной Могиле наряду с символограммами, могущими быть связанными с шумерскими пиктографическими изоглоссами (это и есть так называемый протошумерский курсив) имеется и символика иного рода. Наравне с шумерограммами она отчетливо видна в архиве Джемдет-Насра. Она просматривается в рисунках позднепалеолитической стоянки Авдеево, среди «човников» (или «утюжков») сурско-днепровской, днепро-донецкой и сероглазовской культур VII–IV тыс. до н. э. Она есть и в синхронных культурах Казахстана, Северного Кавказа, Закавказья, Иранского плоскогорья (и особенно в культурах, практиковавших включение трав в ритуальную керамику). Если так, то среди восточных (по отношению к Каменной Могиле) культур, откуда в поздний период бытия протошумеров пришли боги Абу (^dab-ú₂, 'Отец/Море трав') и Бау (^dba-ú₂, 'Дарительница трав'), может наметиться еще одна, азиатская (именуемая «кукрекской»), система письменности¹, значительно отличающаяся от европейской протошумерской, тяготеющей к письменности позднего палеолита Пиренеев².

ТАБЛИЦА 149



Карта расселения «урукских» племен (протошумеров) (по M. Lebeau)

Для решения этой проблемы необходимо понять смысл «удвоения», «утроения» и т. п. фигур животных (мамонтов, носорогов, козлов, быков и др.) на древнейших панно № 52, 51 и т. п. и на сотне каменных табличек. Совершенно очевидно, что в ряде из них осуществляется процесс трансформации «количества в качество», то есть иконография трансформируется в пиктографию. Тогда, возможно, нам удастся прочесть в пиктографическом ключе не только тексты Каменной Могилы, но и целого ряда других памятников, давно открытых археологами, но продолжающих оставаться непонятными.

В разных текстах Каменной Могилы я столкнулся с целым рядом повторяющихся ритуальных формул, которые оказались связанными между собой. Условно я их назвал «канон» (он включает девять основных надписей). Удивительно, что «канон» встретился и в тексте покрыва богини в Чатал-Гююке и, судя по отдельным дешиф-

середины IV тыс. до н. э., можно предположить, что протошумеров увел из Приазовья правитель Акилим после суда и расправы над местным правителем Абукуном⁴. Как говорят их имена, первый был потомком 'Мыши', второй — 'Тельца'. Возможно, местные племена двинулись на юг через Икиз-тепе II близ Синопа в Малой Азии. Переход протошумеров в середине IV тыс. до н. э. в Ур и Урук — проблема будущих исследователей. Б. Брентьес уже давно писал о воздействии культуры Синопа на культуру Урук VI-IV (ок. 3260 ± 110 г. до н. э.)⁵, а распространение понтийской культуры прото-Урук VI/IV засвидетельствовано в юго-восточной Анатолии, Северной Сирии, районах Хабура и Керкука в северо-восточном Иране. Пришествие новых племен (протошумеров из Приазовья?) в юго-восточную Анатолию из Икиз-тепе II близ Синопа — где они потеснили протоэламитов к Пулуру в верховьях Евфрата и к Шубат-Энлилю у верховьев Тигра — засвидетельствовано археологами.

Еще одна волна протошумеров из юго-восточной Малой Азии, оттеснив часть протоэламитов в район Кебана⁶, продолжала следовать за другой ветвью их в район истоков Хабура у Телль Лейлана (протоэламский Шубат-Энлиль, хурритский Ур-Кеш)⁷, отступавшей на юго-восток к истокам Тигра. Прочно утвердившись как на сирийском берегу Евфрата⁸, так и в бассейне Хабура⁹, протошумеры направились на юг, к Мари¹⁰. Другая их часть, пройдя к верховьям Тигра из района Хабура¹¹, тоже последовала на юг — в верховья Диялы и западного Ирана¹², где были основаны мощные центры в Годин-тепе, Джови и Джаффарабаде в Сузиане¹² (табл. 149).

Так примерно могло проходить расселение протошумерских племен на южных окраинах Обейда и Урука в Месопотамии. Сначала был создан центр в Сузах А-В¹³, затем, после восстания протоэламитов Суз С, протошумеры оттуда ушли и окончательно утвердились в Уруке IV¹⁴.

Насколько реальна такая картина? Сейчас трудно сказать. Но для ее выяснения необходимо будет привлечь не только позитивные факты археологических исследований, но и мифоритуальную традицию средиземноморских¹⁵ и причерноморских народов. Мы имеем в виду как нартский эпос¹⁶, сохранивший множество древнейших реликтов, сопоставимых с греческим мифом и эпосом¹⁷, так и, например, Библию¹⁸. В ней можно найти отражение не только истории конкретного народа, но и идею «блуждания» его далеких предков¹⁹. Однако это тоже — дело будущего. Подтвердить или опровергнуть сказанное можно будет лишь когда работа будет доведена до конца. Пока же она — в процессе создания. И все сказанное в ней — это скорее почва для размышлений.